Нюгольм.
Положение
Финляндии.

№ 160/160

Nyholm, Finnlands Stellung im russischen Reiche.

Положеніе Финляндіи

ВЪ

Россійской Державѣ.

К. В. Нюгольма,

Члена Верховнаго Суда.

Переводъ съ датскаго

БЕРЛИНЪ 1901.

Изданіе книжнаго магазина Штура.

(Владѣлецъ І. Реде.)

Положеніе Финляндіи

въ

Россійской Державѣ.

К. В. Нюгольма,

Члена Верховнаго Суда.

Переводъ съ датскаго

БЕРЛИНЪ 1901.

Изданіе книжнаго магазина Штура.

(Владѣлецъ І. Реде).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Только въ послѣдніе годы у насъ въ Даніи стали заниматься Финляндіею и финскимъ народомъ. Само собою разумѣется, мы датчане всегда знали, что Финляндія въ началѣ среднихъ вѣковъ была завоевана Швеціею, откуда она приняла христіанство и культуру, и что въ началѣ девятнадцатаго вѣка была уступлена Россіи, которая взамѣнъ этого помогла королю Карлу Іоганну отнять у Фридриха VI Норвегію. Мы и до насъ отцы наши привыкли видѣть, изъ года въ годъ, какъ финляндскія суда, какъ вѣрные предвѣстники весны, причаливали къ биржевому каналу, нагруженныя лѣсомъ и смолою, а въ молодые годы многіе изъ насъ, на скандинавскихъ съѣздахъ естествоиспытателей и студентовъ, принимали участіе въ сочувственныхъ возгласахъ въ честь Финляндіи и ея великаго князя. Но этимъ довольно долгое время и довольствовалось большинство даже образованныхъ датчанъ, пока путешественники, не побоявшіеся далекаго пути, не стали возвращаться, восхищенные красотою „страны тысячи озеръ“, и гостепріимствомъ и простотою ея обывателей; въ тоже время

Рунебергъ и Топеліусъ сдѣлались извѣстными въ нашей литературѣ и мы узнали, что въ Финляндіи, при особыхъ условіяхъ жизни, обитаетъ высоко даровитый и предпріимчивый народъ, съ самостоятельнымъ міровоззрѣніемъ. Но интересъ во всѣхъ слояхъ нашего общества былъ серьезно возбужденъ только, когда прошлою весною мы стали свидѣтелями мужественнаго проявленія общественнаго духа и удивительнаго единодушія и достоинства, съ которыми финскій народъ, отъ перваго до послѣдняго, по поводу манифеста отъ 3/15 февраля 1899 года, сталъ на стражу своихъ правъ[1]).

Настоящій трудъ, появленіе котораго вызвано обращенною ко мнѣ просьбою издателя, не имѣетъ въ виду сообщеніе какихъ либо новыхъ фактовъ или новыхъ доказательствъ по вопросомъ, вызвавшимъ пререканія между Россіею и Финляндіею, что кромѣ того было бы довольно трудно, такъ какъ вопросъ этотъ уже подробно и всесторонне освѣщенъ и разобранъ, въ особенности со стороны защитниковъ формальнаго права Финляндіи. Главная цѣль заключается въ томъ, чтобы, безъ всякаго предубѣжденія противъ могущественной имперіи, съ которою Данія находится въ разнородныхъ и обоюдно важныхъ сношеніяхъ, и царствующій домъ которой также у насъ пользуется высокимъ почитаніемъ и преданностью, тщательнымъ изложеніемъ спорнаго вопроса

---

[1]) Все тогдашнее движеніе, въ особенности въ Гельсингфорсѣ, очень живо описано Спонгбергомъ въ сочиненіи его „Statskuppet i Finland“, изд. въ Стокгольмѣ 1899 года; ср. также статью Ивара Берендсена и Нормана-Ганзена въ журналѣ „Tilskueren“ 1899 года, стр. 755.

между обоими народами и относящихся къ нему актовъ государственнаго права, облегчить датскимъ читателямъ, интересующимся этимъ, ознакомленіе съ ходомъ дѣла и дать имъ возможность составить себѣ собственное мнѣніе по вопросамъ, вызвавшимъ настоящее движеніе. Хотя и извѣстно заранѣе, что сила на сторонѣ имперіи съ ея многомилліоннымъ населеніемъ и многообразными способами, по сравненію съ неполнымъ $2^1/_2$ милліоннымъ населеніемъ и ограниченными средствами Финляндіи, но все же можно надѣяться, что и право будетъ имѣть вѣское значеніе при окончательномъ рѣшеніи сихъ вопросовъ, и что монархъ, имѣвшій рѣшимость выступить поборникомъ идеи разоруженія среди своихъ коронованныхъ собратій въ Европѣ, не остановится передъ тѣмъ, чтобы, какъ и его подданнымъ изъ русскихъ, также оказать своимъ финляндскимъ подданнымъ справедливость, если только голосъ ихъ въ полной силѣ достигнетъ до него.

Для лучшаго уразумѣнія и какъ бы въ видѣ введенія, предпосылается краткій обзоръ историческихъ судебъ Финляндіи до роковаго 1808 года, основанный главнымъ образомъ на прекрасномъ очеркѣ Ивара Берендсена въ VI части лексикона Сальмонсена, сопоставленномъ съ главными сочиненіями Ирье-Коскинена. Впрочемъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ, встрѣчаются выдержки и ссылки на труды иностранныхъ авторовъ, какъ напримѣръ профессоровъ Мехелина, Даніельсона и Германсона и отчасти также англичанина Фишера, когда я ими пользовался. Частое и иногда даже обширное пользованіе трудами этихъ авторовъ

объясняется сущностью дѣла и цѣлями моего труда. Изъ относящихся къ данному предмету сочиненій русскихъ авторовъ, „Les prétentions des separatistes Finlandais“ Еленева издано самимъ авторомъ въ Парижѣ, въ 1895 году, а приводимые мною во многихъ мѣстахъ аргументы Ордина любезно сообщены мнѣ, въ дословномъ французскомъ переводѣ, однимъ профессоромъ русскаго языка.

1го Марта 1900 года.

К. В. Нюгольмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава I.	Обзоръ исторіи Финляндіи до 1808 года	1
Глава II.	Событія 1808 года	17
Глава III.	Сеймъ въ городѣ Борго	22
Глава IV.	Основывается ли взаимное государственно-правовое положеніе Финляндіи и Россіи на Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ или на Боргоскихъ актахъ?	34
Глава V.	Правовое значеніе и послѣдствія Боргоскихъ актовъ	40
Глава VI.	Финляндія въ царствованіе Императоровъ Александра II и Александра III	64
Глава VII.	Основныя положенія существующаго государственнаго строя Финляндіи	78
Глава VIII.	Международное положеніе Финляндіи	102
Глава XI.	Финляндія въ царствованіе Императора Николая II.	109

ГЛАВА I.

Обзоръ исторіи Финляндіи до 1808 года.

А.

Съ древнихъ временъ до великой сѣверной войны.

Подобно монголамъ, туркамъ, мадьярамъ и др. народностямъ, многочисленныя финскія племена принадлежатъ къ тюркскимъ народамъ, которые на зарѣ вѣковъ съ возвышенностей Урала и Алтая разселились по сѣвернымъ окрайнамъ Азіи и Европы. Изъ нихъ финны повидимому уже рано вошли въ сношенія съ индо-германскими народами, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ языкъ такъ и древнія преданія ихъ.

Еще за долго до историческихъ временъ въ Финляндіи водворились болѣе древнія народности родственнаго племени, нынѣ исчезнувшіе, такъ называемые Ятулы или Хидетъ, а также лопари, которые еще кочуютъ на дальнемъ сѣверѣ, но тѣ вѣтви, отъ смѣшенія которыхъ постепенно произошли нынѣшніе финны, корелы и тавасты,[1]) вѣроятно только въ VIII столѣтіи нашей эры

[1]) Корелы, населяющіе Корелію, Саволаксъ и Сѣверную Эстерботнію, по словамъ Ивара Берендсена, народъ живой и легкомысленный, смышленный въ торговлѣ, съ музыкальными и поэтическими склонностями, темными волосами и карыми глазами; тавасты же,

начали свое движеніе въ Финляндію. Это движеніе происходило медленно съ юга и востока и повело къ постояннымъ взаимнымъ столкновеніямъ, а также то къ враждебнымъ то къ дружественнымъ сношеніямъ съ Новгородомъ, на юговостокѣ, и со шведами, которые уже рано нашли путь черезъ Аландскіе острова въ собственно Финляндію. Именно этимъ распрямъ древнихъ временъ посвященъ циклъ пѣсней „Калевалы“.[1])

Въ началѣ XII вѣка шведы начинаютъ прочнѣе утверждаться въ Финляндіи, и въ 1157 году король Эрикъ Святой, въ сопровожденіи упсальскаго епископа Генриха, родомъ англичанина, и многочисленнаго духовенства, предпринялъ извѣстный крестовый походъ и, высадившись по близости нынѣшняго города Або, заставилъ побѣжденное населеніе принять крещеніе.

Съ этого времени Финляндія вступила въ культурное общеніе съ сѣверными государствами и вмѣстѣ съ тѣмъ и съ остальною Европою. Около 1220 года была учреждена первая епископская кафедра, при епископѣ Ѳомѣ, также англичанинѣ, которому впрочемъ приписы-

---

обитающіе въ Тавастландіи, Сатакунтѣ, Сѣверной Нюландіи и Южной Эстерботніи, скрытные и медлительные, но выносливые и неприхотливые; по наружному виду они больше ростомъ и сильнѣе, съ свѣтлыми волосами и выдающимися скулами. Оба племени отличаются честностью и духомъ независимости, благодаря которому Финляндія сдѣлалась одною изъ самыхъ демократическихъ странъ въ Европѣ. Лексиконъ Сальмонсена, стр. 560.

[1]) Такъ называется циклъ мифическо-эпическихъ пѣсней и былинъ, собранныхъ съ устъ народа, какъ въ Карелін, такъ и въ Тавастландіи, врачемъ Эліасомъ Ленротъ и изданныхъ впервые въ 1835 году, въ составѣ слишкомъ 12 000 стиховъ, впослѣдствіи дополненныхъ почти до двойнаго числа. — Въ 1841 году былъ изданъ шведскій переводъ Калевалы. Ср. Вильгельма Томсена, въ лексиконѣ Салмонсена II, стр. 560.

вается замыселъ образовать изъ Финляндіи самостоятельное государство, подъ непосредственною властью папы. Въ 1249 году Биргеръ Ярль покорилъ Тавастландію и въ 1293 году шведскому владычеству была подчинена Корелія Торкелемъ Кнутсономъ, а въ 1323 году Магнусъ Смекъ, въ качествѣ шведскаго короля, заключилъ миръ въ Нотебургѣ, причемъ были опредѣлены границы между Новгородомъ и Финляндіею, хотя и послѣ этого безпрестанно происходили пограничныя столкновенія и нападенія. Иммиграція изъ Швеціи конечно постоянно возрастала и вслѣдствіе этого также начали по немного распространятья по странѣ, съ юга и запада, шведскій языкъ и шведскіе обычаи и правовые порядки, причемъ въ то же время, не смотря на демократическій и независимый характеръ населенія, мало по малу также стало образоваться особое *финское*, а не только пришлое шведское дворянство. Въ это время Финляндія въ государственно правовомъ отношеніи все еще занимала положеніе страны, подвластной Швеціи, но это положеніе измѣнилось, когда жителямъ Финляндіи 15 февраля 1362 года на вѣчныя времена было предоставлено такое же право на участіе въ выборахъ короля, какимъ съ незапамятныхъ временъ пользовалось населеніе Швеціи. Съ этого же времени Финляндія, въ противность позднѣйшимъ нѣмецкимъ владѣніямъ Швеціи и прибалтійскимъ провинціямъ, является равноправною частью государства, пользующеюся, на ряду съ прочими провинціями Швеціи, одинаковыми правами по участію въ законодательствѣ и установленіи налоговъ, т. е. полнымъ правомъ гражданства и полными политическими и сословными привилегіями. Но вслѣдствіе своей отдаленности и иноплеменности населенія, Финляндія постоянно

оставалась на нѣсколько особомъ положеніи, чему можно, пожалуй, также приписать пожалованный ей въ 1581 году титулъ Великаго Княжества. Точно также Финляндія въ смутныя времена уніонскихъ королей иногда, хотя и на непродолжительное время, имѣла другихъ повелителей, чѣмъ прочія шведскія провинціи; такъ, между прочимъ, Финляндія была послѣднею опорою владычества на сѣверѣ Христіана II, и только въ концѣ 1523 года Густаву Ваза удалось сломить смѣлое и неутомимое сопротивленіе Серена Норбю.

Въ царствованіе слѣдовавшихъ за распаденіемъ Кальмарской уніи королей изъ дома Вазы развитіе шло въ прежнемъ направленіи, хотя оно часто, какъ и раньше, прерывалось кровавыми столкновеніями съ русскими, которые оказались гораздо болѣе опасными врагами, чѣмъ покоренный ими Новгородъ. Но хотя королевская власть съ 1544 года сдѣлалась наслѣдственною въ родѣ Густава Вазы и вмѣстѣ съ тѣмъ была значительно расширена, власть дворянства постоянно возрастала; въ особенности въ отдаленной Финляндіи она, при злополучныхъ преемникахъ этого короля, стала невыносимою для упорнаго и свободолюбимаго народа, и наконецъ довела сельское населеніе до открытаго возстанія противъ его угнетателей (крестьянская война 1596—1597 годовъ). Карлу IX удалось однако до нѣкоторой степени излечить раны, нанесенныя Финляндіи междуусобными распрями, но еще большій успѣхъ въ этомъ отношеніи имѣлъ его великій преемникъ Густавъ Адолфъ, который въ 1616 году прибылъ въ городъ Гельсингфорсъ, для совѣщаній, на созванномъ въ первый разъ особомъ финляндскомъ сеймѣ или риксдагѣ, съ земскими чинами, о нуждахъ Финляндіи, а черезъ годъ

послѣ этого, при заключеніи мира съ русскими въ Столбовѣ, могъ возратить Финляндіи отторженную отъ нея Кексгольмскую губернію. Въ этой области, какъ и вообще въ Россіи, главная масса населенія исповѣдывала православную вѣру и оставалась въ этой вѣрѣ, тогда какъ остальные финны, также какъ и шведы и паселенія двухъ другихъ скандинавскихъ государствъ, уже давно приняли лютеранскую вѣру. Корелы и тавасты мало по малу слились въ одну общую народность, такъ что съ половины XVI вѣка даже начала пускать первые слабые ростки общая финская литература. Шведскій языкъ былъ однако языкомъ образованныхъ и правящихъ классовъ и сохранилъ свое господство въ городахъ и въ дворянскихъ помѣстьяхъ еще на цѣлыя столѣтія. Изъ всеобщей исторіи хорошо извѣстно какъ финны отличались въ 30-ти лѣтнюю войну и затѣмъ въ походахъ Карла Густава, способствуя распространенію славы шведскаго владычества, подъ знаменами котораго они сражались и подданными котораго они вполнѣ себя признавали. Но и въ области духовнаго развитія финны поддерживали славу общаго отечества, а учрежденный въ 1640 году университетъ въ городѣ Або вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность далеко за предѣлами Финляндіи и очень рано могъ гордиться большимъ приливомъ учащихся изъ Швеціи.

Проведенная съ большою строгостью, но въ сущности весьма благодѣтельная редукціонная система Карла XI распространила свое дѣйствіе, даже въ особенно высокой степени, также на Финляндію, гдѣ пожалованныя дворянамъ ленныя владѣнія возросли до непомѣрныхъ размѣровъ; съ этого времени финляндская аристократія перестала быть собственно помѣщичьимъ сословіемъ и

обратилась въ военное и гражданское служилое сословіе. Король вообще неусыпно заботился о нуждахъ Финляндіи, стараясь упорядочить управленіе и податную систему и ввести справедливое и единообразное судопроизводство въ странѣ. Для Финляндіи, какъ и для Швеціи, Карлъ XI былъ ревностнымъ и строго исполняющимъ свой долгъ правителемъ, котораго никакъ нельзя было винить въ страшныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Финляндію въ послѣдніе годы царствованія его, въ видѣ голоднаго времени, сопровождавшагося чумою и безденежьемъ, какихъ небывало, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, ни раньше ни послѣ того и вслѣдствіе которыхъ въ теченіе трехъ лѣтъ, 1695—1697 годовъ, погибла приблизительно четвертая часть населенія, т. е. около 100 000 изъ общаго числа 400 000 душъ, причемъ и всякая дѣятельность была парализирована и какъ бы вымерла.

Б.

Отъ 1700 года до Абоскаго мира 1743 года.

Въ иномъ видѣ представлялись несчастія, которыя навлекла на страну великая сѣверная война (1700 до 1721 годовъ), такъ какъ онѣ были вызваны, главнымъ образомъ, упрямствомъ и честолюбіемъ короля Карла XII. При этомъ мы имѣемъ въ виду не столько упадокъ общаго благосостоянія и человѣческія жертвы, которыя были неизбѣжны даже въ первые годы войны, когда счастіе еще улыбалось шведскому оружію, сколько слѣдовавшая затѣмъ продолжительная такъ „называемая великая смута“ („stora ofredens tid“) 1714—1721 годовъ. — Это семилѣтіе повидимому оставило въ памяти народа такіе же глубокіе слѣды какъ голодные годы. Страна

была оставлена на произволъ судьбы; покинутая властями, лишенная лучшихъ рабочихъ силъ, измученная и опустошенная, она стала беззащитною добычею Петра Великаго, который также заставилъ жителей Выборга, Кексгольма и Саволакса принести присягу на вѣрноподданство, желая, въ виду мѣстоположенія своей новой столицы, сохранить за собою названныя области. Генералъ-губернаторомъ остальной же Финляндіи былъ назначенъ князь Голицинъ, который оставилъ по себѣ память гуманнаго и справедливаго правителя. Тѣмъ не менѣе Россія при заключеніи въ 1721 году Ништадскаго мира удовольствовалась пріобрѣтеніемъ только южной части Кексгольмской губерніи и Выборга съ окрестностями.

Въ слѣдующее затѣмъ двадцатилѣтіе во главѣ шведскаго правительства стоялъ финляндецъ, графъ Арвидъ Горнъ, и во время безсмутнаго правленія его страна вновь стала крѣпнуть силами; но въ 1738 году власть перешла въ руки партіи „шляпъ“, къ которой примкнула бо́льшая часть финляндскаго дворянства, и уже черезъ три года Швеція, не будучи къ тому подготовлена, легкомысленно вновь была вовлечена въ войну съ давнымъ, заклятымъ врагомъ ея, съ прежнимъ исходомъ, заключающемся въ занятіи Финляндіи русскими войсками. Къ этой войнѣ, названной „малой смутой“ (lilla ofredens tid) 1742—1743 годовъ, въ теченіе которой населеніе Финляндіи, даже подростки, должно было присягнуть на вѣрноподданство императрицѣ Елизаветѣ, хотя обращеніе съ нимъ вообще было хорошее и оно, какъ кажется, стало быстро привыкать къ чужеземной власти, — относится знаменательный документъ — какъ бы предвѣстникъ позднѣйшихъ событій — а именно манифестъ императрицы къ населенію Финляндіи отъ

18 марта 1742 года. Этотъ манифестъ, въ которомъ императрица, между прочимъ, обѣщала свое могущественное содѣйствіе къ образованію изъ Финляндіи, если то будетъ соотвѣтствовать общему желанію, независимаго, самостоятельнаго государства на границѣ между Швеціею и Россіею, былъ объявленъ на французскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и едва ли остался вовсе безъ послѣдствія, такъ какъ зарождающаяся мысль о самостоятельности Финляндіи теперь, во всякомъ случаѣ, была опредѣлительно и совершенно явно выражена. Если впрочемъ, какъ считаютъ, содержаніе манифеста приписать внушенію графа Бестужева, бывшаго незадолго передъ тѣмъ русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, то онъ, навѣрное, имѣлъ основаніе предполагать, что манифестъ этотъ не останется вовсе безъ значенія.[1]) Когда тѣмъ временемъ шведскій риксдагъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ относительно выбора наслѣдника престола, причемъ значительная партія, въ особенности среди крестьянъ, поддерживала кандидатуру датскаго наслѣдняго принца, наконецъ остановился на выборѣ гольштинскаго принца Адолфа-Фридриха, то Россія умѣрила свои требованія и 7 августа 1743 года былъ заключенъ миръ въ Або, причемъ Швеція должна была уступить только Фридрихсгамъ, часть Кюменгордской губерніи, Вильманстрандъ и Нейшлотъ, съ его окрестностями на разстояніи двухъ миль.

---

[1]) Разсказъ о томъ, что въ это время въ Або была избрана депутація для отправленія въ Москву, чтобы у императрицы просить Карла-Петра-Ульрика въ вѣликіе князя Финляндіи, едва-ли подлежитъ сомнѣнію, но подробности этого дѣла не выяснены, и во всякомъ случаѣ отправка депутаціи не состоялась.

В.

Отъ Абоскаго мира до 1808 года.

Тридцатилѣтнее военное положеніе теперь смѣнилось необыкновенно долгимъ періодомъ мира, продолжавшимся въ царствованіе Фридриха I и Адольфа Фридриха, а также въ началѣ царствованія Густава III и оказавшимся чрезвычайно благопріятнымъ для экономическаго и матеріальнаго развитія по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива, въ особенности по восшествіи на престолъ Густава III. Финляндскіе торговые города, которые до того времни были вынуждены вести торговлю исключительно на Стокгольмъ, получили свободу въ этомъ отношеніи, и были основаны новые города. Проектированное новое генеральное размежеваніе страны было, не смотря на разныя предубѣжденія и неразумное противодѣйствіе, выполнено въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, что сильно способствовало колонизаціи и обращенію подъ культуру громадныхъ пустынь, въ особенности въ сѣверной Финляндіи. Въ тоже время были построены дороги и каналы, военное устройство было улучшено и войска усилены противъ прежняго, причемъ въ устройствѣ финляндскаго войска дѣятельное участіе принимали братья Спренгтпортенъ. Въ 1775 году былъ учрежденъ новый гофгерихтъ въ городѣ Вазѣ, кромѣ существовавшаго съ 1623 года абоскаго гофгерихта; абоскій университетъ былъ расширенъ новыми кафедрами и въ 1766 году введена свобода печати и слова. Все это было сдѣлано, не смотря на происходившую одновременно горячую борьбу партій на риксдагѣ, чрезмѣрную власть котораго Густаву III вскорѣ послѣ восшествія на престолъ удалось существенно ограничить, проведеніемъ закона

о государственномъ устройствѣ или, какъ онъ на шведскомъ официальномъ языкѣ назывался, Формы Правленія отъ 21 августа 1772 года, къ которому мы еще будемъ возвращаться неоднократно, и при проведеніи котораго оба названные брата Спренгтпортенъ[1]) оказали королю существенное содѣйствіе.

Не смотря на то, что Густавъ III, какъ выше было сказано, всячески заботился о Финляндіи и, въ противоположность предшествовавшимъ королямъ, нерѣдко входилъ въ прямое общеніе съ финскимъ народомъ, ему все-таки не удалось снискать настоящей популярности среди этого народа. Выброшенное раньше сѣмя взаимнаго недовѣрія и недовольства между Швеціею и Финляндіею начинало постепенно пускать ростки. Въ особенности въ высшихъ слояхъ финляндскаго общества, въ виду имѣвшихся передъ глазами примѣровъ, стали возникать сомнѣнія на счетъ способности Швеціи защищать страну и относительно дѣйствительной общности интересовъ; раздавались жалобы, что финляндцамъ, бѣжавшимъ въ Швецію во время послѣдней войны, не было оказано должной помощи и заявлялись громко требованія, чтобы на должности въ Финляндіи назначались только лица, владѣющія финскимъ языкомъ. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ также отмѣтить, что уложеніе Швеціи (1734 года) уже въ 1759 году было издано въ финскомъ переводѣ и что слишкомъ двадцать лѣтъ

---

[1]) Яковъ Магнусъ Спренгтпортенъ и единокровный братъ его Геранъ Магнусъ С. были родомъ финляндскіе дворяне. Первый умеръ въ 1796 году, удалившись, послѣ блестящей служебной карьеры, въ свое помѣстье подъ Стокгольмомъ. За то второму брату пришлось сыграть видную роль въ послѣдовавшихъ событіяхъ въ Финляндіи. Онъ умеръ въ 1819 году въ С. Петербургѣ.

передъ тѣмъ вышла грамматика финскаго языка, а также что извѣстный Портанъ, хотя и самъ писалъ полатыни, въ обширныхъ кругахъ возбудилъ интересъ къ финскому языку и древней народной поэзіи финновъ. Дѣятельнаго и неутомимаго врага король создалъ себѣ въ прежнемъ преданномъ другѣ и высокопоставленномъ подданномъ, младшемъ Спренгтпортенѣ, который соединялъ въ себѣ неоспоримое мужество, геніальность и любовь къ родинѣ съ сильно развитымъ и чуткимъ самомнѣніемъ и склонностью къ политическимъ интригамъ.

По возвращеніи изъ Франціи, откуда онъ намѣревался поступить на сѣверо-американскую военную службу, хотя не поступилъ, не получивъ потребованнаго имъ званія въ войскахъ, Спренгтпортенъ въ 1781—1784 годахъ жилъ въ своемъ имѣніи въ Тавастландіи, гдѣ около него отъ времени до времени собирался кружокъ дворянъ и офицеровъ, которые, подобно ему, предавались мечтаніямъ о самостоятельности Финляндіи и изъ которыхъ многимъ, какъ напримѣръ Іогану Андреасу Егергорну[1]), Клику[2]), Гестеско и де Геeру, впослѣдствіи довелось, различнымъ образомъ, играть нѣкоторую роль. Попытка привлечь брата короля, герцога Карла, съ ко-

[1]) Родился въ Финляндіи въ 1757 году и умеръ тамъ же въ 1825 году. Исключенный изъ рядовъ шведской арміи, съ лишеніемъ гражданской чести, онъ поступилъ на русскую службу, гдѣ снискалъ расположеніе императора Александра I.; впослѣдствіи онъ состоялъ нѣкоторое время членомъ комитета финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ роднымъ его братомъ, Фридрихомъ-Адольфомъ, который родился въ 1760 году и умеръ въ 1817 году и котораго считали виновникомъ позорной сдачи русскимъ Свеаборгской крѣпости.

[2]) Также поступилъ на русскую службу, но разошелся съ Спренгтпортеномъ и Егергорномъ, начавъ дѣйствовать за присоединеніе Финляндіи къ имперіи въ видѣ только провинціи.

торымъ они, какъ усердные массоны, по обычаямъ того времени были въ сношеніяхъ, къ участію въ ихъ замыслахъ, предложеніемъ ему финляндской великокняжеской короны, не увѣнчалась успѣхомъ, и тогда Спренгтпортенъ, послѣ двухлѣтнихъ скитаній заграницею и имѣвъ между прочимъ въ Гаагѣ случай войти въ сношенія съ русскимъ посольствомъ, въ 1787 году отправился въ С. Петербургъ, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ императрицею Екатериною II и затѣмъ опредѣленъ на государственную службу.

Когда Россія въ слѣдующемъ году была вовлечена въ войну съ Турціею, то король Густавъ захотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы вознаградить себя за многія потери, въ теченіе временъ причиненныя Швеціи съ русской стороны. Не испросивъ, вопреки принятому незадолго передъ тѣмъ закону, согласія риксдага,[1]) — неосторожность, которая не осталась безъ послѣдствій, — онъ въ 1788 году нарушилъ миръ, и Финляндія, гдѣ Густавъ лично принялъ на себя главное командованіе войсками, вновь сдѣлалась театромъ войны.

Неудачи, сопровождавшія въ первое время эту кампанію, руководить которою король очевидно не былъ способенъ, въ связи со скрытымъ недовольствомъ, привели къ образованію извѣстной или вѣрнѣе пресловутой Аньяльской конфедераціи. Офицеры отряда войскъ,

---

[1]) § 48 формы правленія 1772 года гласитъ: „Король не можетъ объявлять войны ни заключать мира безъ вѣдома и согдасія государственныхъ чиновъ“. Это постановленіе было измѣнено лишь ст. I акта соединенія и безопасности 1789 года, предоставившаго королю право объявлять войну и заключать миръ безъ предварительнаго совѣщанія съ государственными чинами.

состоявшаго подъ начальствомъ генерала Карла Густава Армфельта, — дяди младшаго Густава Морица Армфельта,[1]) пріобрѣвшаго впослѣдствіи большое вліяніе въ С. Петербургѣ, — руководимые вышеупомянутымъ маіоромъ Егергорномъ, задались цѣлью прекратить незаконно начатую войну, стараясь войти въ непосредственные переговоры о мирѣ съ Россіею и добиться созыва риксдага. Съ составленнымъ въ этомъ смыслѣ письмомъ на имя императрицы, въ которомъ также выражалась надежда, что Государыня не откажется возвратить Финляндіи области, утраченныя при заключеніи абоскаго мира, Егергорнъ отправился въ С. Петербургъ. Между тѣмъ онъ, вовремя своего пребыванія въ С. Петербургѣ, самовольно или во всякомъ случаѣ только съ вѣдома немногихъ соумышленниковъ, сталъ предлагать императрицѣ, которою былъ милостиво принятъ, вновь возбудить вопросъ объ отторженіи и самостоятельности Финляндіи, какъ это уже раньше было предположено въ манифестѣ императрицы Елизаветы 18 марта 1742 года. Не смотря на то, что

---

[1]) Родившійся въ Финляндіи въ 1757 году, А. благодаря своей красивой наружности и обходительности — его нѣкоторое время звали Алкивіадомъ сѣвера — вскорѣ сталъ другомъ короля. Въ кампаніи 1788—1790 годовъ онъ выказалъ большія способности и личную храбрость. Съ опекунскимъ правительствомъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ и долженъ былъ бѣжать изъ страны, но при Густавѣ IV опять вошелъ въ почетъ и милость. Послѣ изгнанія этого короля, А. старался о выборѣ въ короли его сына, и такъ какъ онъ всячески дѣйствовалъ противъ Бернадота, то былъ вновь изгнанъ изъ отечества. Тогда онъ сдѣлался финляндскимъ подданнымъ и вошелъ въ большую милость у императора Александра I., который назначилъ его предсѣдателемъ учрежденнаго въ 1811 году комитета финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Армфельтъ умеръ въ большемъ почетѣ въ Царскомъ Селѣ, 19 августа 1814 года.

Спренгтпортенъ, какъ можно было ожидать, поддерживалъ проектъ Егоргорна, этотъ планъ, хотя и не былъ рѣшительно отвергнутъ, принятъ былъ довольно равнодушно какъ самой императрицей, такъ и тѣми русскими государственными людьми, съ которыми Егергорну разрѣшено было вести переговоры, почему и отвѣтъ, который Егоргорнъ, сопровожденный до границы Спренгтпортеномъ, спустя нѣсколько недѣль привезъ своимъ единомышленникамъ, былъ составленъ въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

Во время отсутствія Егергорна объ отправкѣ его стало извѣстно королю и тогда первоначально заговорившіеся офицеры рѣшились сплотиться еще тѣснѣе, чтобы прямо силою принудить Густава къ заключенію мира и къ созванію риксдага. Съ этою цѣлью генералъ Армфельтъ составилъ письмо къ королю, въ которомъ онъ старался оправдывать законныя и патріотическія намѣренія конфедераціи, найдя въ этомъ въ короткое время сильную поддержку со стороны офицеровъ какъ финляндскаго такъ шведскаго происхожденія. Отрядъ войскъ, осаждавшій Нейшлотъ, самовольно прекратилъ осаду этой крѣпости, и Густавъ самъ былъ въ опасности, такъ какъ уже начались разсужденія о необходимости силою завладѣть особою короля. Тогда датчане оказали ему величайшую услугу, какая только была возможна при данныхъ обстоятельствахъ, объявивъ ему войну, вслѣдствіе заключеннаго о томъ съ Россіею договора; теперь король могъ съ честью покинуть Финляндію и поспѣшить обратно въ свою столицу для принятія необходимыхъ мѣръ по оборонѣ государства.

Когда одновременно съ этимъ раснесся слухъ какимъ образомъ Егергорнъ въ дѣйствительности выпол-

пилъ или вѣрнѣе злоупотребилъ даннымъ ему порученіемъ, ведя также переговоры объ отторженіи Финляндіи, то образъ дѣйствія его возбудилъ негодованіе у большинства соучастниковъ, желавшихъ только заключенія мира и созыва риксдага. Аньяльская конфедерація распалась; нѣкоторыя попытки Спренгтпортена и ближайшихъ его единомышленниковъ вызвать движеніе въ пользу его замысловъ оказались тщетными и наиболѣе компрометированные должны были бѣжать, боясь наказанія за измѣну. Въ это же время Густаву удалось, подъ вліяніемъ вызваннаго означенными событіями общаго негодованія, провести такъ называемый актъ соединенія и безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года, которымъ нетолько было предоставлено королю право объявлять войну и заключать миръ безъ согласія государственныхъ чиновъ, но и послѣдніе лишились права инициативы по сеймовымъ дѣламъ.[1]) Вообще же популярность короля возросла не только въ Швеціи но и въ Финляндіи, откуда сотнями поступали заявленія о негодованіи возбужденномъ аньяльскою измѣною.

Кромѣ того были также достигнуты нѣкоторые успѣхи на войнѣ; во всякомъ случаѣ была проявлена прежняя шведско-финская воинская доблесть во многихъ бояхъ на сушѣ, а на морѣ была одержана блестящая побѣда надъ русскимъ шхернымъ флотомъ. Все это ускоряло заключеніе мира, къ которому въ сущности стремились обѣ стороны и который затѣмъ и былъ заключенъ въ Вереля, 19 августа 1790 года, безъ су-

[1]) Ст. VI. „Государственные чины на сеймѣ должны заниматься только тѣми предметами, кои предлагаются королемъ, какъ до 1680 года принято было“.

щественныхъ жертвъ съ той или другой стороны. Однако война стоила Швеціи слишкомъ 24 милліона далеровъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ окончанія войны, какъ король Густавъ палъ отъ руки убійцы и въ государствѣ на первое время было учреждено опекунское правленіе, впредь до совершеннолѣтія наслѣдника престола. Затѣмъ правленіе перешло въ руки сына Густава III, Густава IV Адольфа, который своимъ упрямствомъ и самомнѣніемъ напоминалъ Карла XII, но не обладалъ достоинствами послѣдняго. — При исходѣ стараго и съ началѣ новаго столѣтія въ Швеціи и Финляндіи было сравнительно спокойно, хотя Европа была объята пламенемъ и сосѣднія государства были вовлечены въ великія міровыя событія. Но въ различныхъ слояхъ финляндскаго общества мысль о самостоятельности Финляндіи постепенно все глубже пускала свои корни, тогда какъ съ другой стороны въ Россіи все сильнѣе проявлялось желаніе пріобрѣсти Финляндію, либо въ видѣ русской провинціи, либо въ видѣ самостоятельнаго государства, подъ верховнымъ владычествомъ Россіи. Такъ шло время до знаменательнаго свиданія императоровъ въ Тильзитѣ, въ 1807 году, на которомъ Наполеонъ и императоръ Александръ I, который въ 1801 году унаслѣдовалъ престолъ послѣ своего отца, императора Павла, условились силою принудить Швецію присоединиться къ континентальной системѣ.

ГЛАВА II.

Событія 1808 года.

Несчастная Финляндія опять сдѣлалась ареною борьбы между двумя государствами.

Въ самомъ началѣ 1808 года поселившійся въ Петербургѣ Спренгтпортенъ, которому не трудно было предвидѣть, что отъ Швеціи нельзя было ожидать какой либо уступчивости, представилъ русскому кабинету составленную на французскомъ языкѣ записку,[1]) въ которой онъ предлагалъ образовать изъ Финляндіи особое государство, подъ покровительствомъ Россіи, съ присоединеніемъ къ ней областей, уступленныхъ послѣ Ништадскаго мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ императору, при вступленіи въ Финляндію русскихъ войскъ, издать прокламацію населенію страны, съ обѣщаніемъ сохранить прежніе его законы и привилегіи и въ ближайшемъ будущемъ созвать сеймъ. Такая прокламація и появилась черезъ нѣсколько дней послѣ перехода войскъ, 21 февраля, черезъ финляндскую границу, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, но не отъ имени государя, какъ предлагалъ Спренгтпортенъ, а только отъ главнокомандующаго.[2])

---

[1]) Reflexions d'un militaire Russe natif de la Finlande. Даніельсонъ, Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. Борго 1890.

[2]) Бергъ: „Finlands statsrättsliga utveckling", Гельсингфорсъ 1889 г . . . стр. 21. Хотя въ прокламаціи говорится только о временномъ занятіи страны, но тѣмъ не менѣе жителямъ ея предлагается прислать въ г. Або отъ каждой провинціи депутатовъ, избранныхъ по узаконенному до того времени порядку.

По обыкновенію начало войны было вполнѣ благопріятно для русскихъ, каковое обстоятельство, конечно, въ значительной мѣрѣ способствовало тому, что идеи, поборникомъ которыхъ являлся Спренгтпортенъ, были отодвинуты на второй планъ. Самъ онъ короткое время находился при русской арміи, но затѣмъ поссорился съ Буксгевденомъ и возвратился въ С. Петербургъ. Теперь одержала верхъ та партія при дворѣ, которая стремилась къ присоединенію Финляндіи къ имперіи въ видѣ провинціи, хотя бы и пользующейся нѣкоторыми преимуществами, къ этой партіи, къ удивленію, примкнулъ также бывшій аньяльскій конфедератъ, майоръ Кликъ. — Сообразно съ тѣмъ были изданы разныя объявленія, въ томъ числѣ, обращенная къ европейскимъ державамъ, декларація отъ 16 марта 1808 года, въ которой Финляндія признается „областью оружіемъ покоренною“, которую‘ императоръ намѣренъ „навсегда присоединить“ къ своему государству. Вскорѣ же послѣ сдачи Свеаборга послѣдовало повелѣніе, по примѣрамъ, бывшимъ ранѣе при Петрѣ Великомъ и Елизаветѣ, о приведеніи жителей занятыхъ войсками частей края къ присягѣ на вѣрность императору. Это повелѣніе встрѣтило сильное сопротивленіе; ректоръ абоскаго университета Калоніусъ съ негодованіемъ и смѣлостью протестовалъ противъ подобнаго образа дѣйствія и многіе жители старались бѣгствомъ уклонться отъ присяги. Мѣстами же лица, не соглашавшіяся принести присягу подвергались за это истязаніямъ.[1]) Предполагавшійся раньше скорый созывъ депутатовъ въ г. Або для совѣщаній о нуждахъ края

[1]) Такъ, въ числѣ прочихъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ пробстъ Чиденіусъ умеръ отъ насилій, которымъ подвергся вслѣдствіе упорнаго отказа отъ принесенія присяги.

теперь, „вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ“, былъ отсроченъ на неопредѣленное время.

Но военное счастіе начало колебаться. Правда, Свеаборгъ былъ позорнымъ образомъ утерянъ и человѣкъ, благодаря слѣпому довѣрію шведскаго короля, назначенный главнокомандующимъ арміею, оказался мало способнымъ къ этому званію; но финскія войска и ихъ военачальники совершали блестящіе, хотя и оставшіеся въ концѣ концовъ безъ результата подвиги, слава которыхъ, благодаря „Разсказамъ Прапорщика Столя“, до сихъ поръ еще жива на сѣверѣ, да притомъ изъ Швеціи были наконецъ сдѣланы грозныя попытки высадокъ въ тылу русской арміи.

Теперь императоръ вновь сталъ внимать Спренгтпортену, общимъ взглядамъ котораго онъ по своему характеру и воспитанію всячески лично сочувствовалъ, и издалъ отъ своего имени, чего ранѣе избѣгалъ, извѣстный *манифестъ отъ 5/17 іюня.*[1]) Въ этомъ манифестѣ рѣшительно указывалось на твердую волю императора сохранить финляндцевъ въ числѣ „народовъ, скипетру россійскому подвластныхъ, и единую имперію составляющихъ“, но въ тоже время имъ было обѣщано „святое храненіе древнихъ установленій“ страны, а также скорое созваніе сейма.[2]) И на самомъ дѣлѣ,

[1]) Гдѣ проставлено только одно число, оно означаетъ время по новому стилю.

[2]) Приведенъ полностью у Берга, l, c, стр. 5—6. Относительно употребленнаго здѣсь, какъ и во многихъ позднѣйшихъ объявленіяхъ слова „установленія“, во множественномъ числѣ, необходимо замѣтить что „установленіе“ часто употреблялось въ значеніи закона о государственномъ устройствѣ, а такихъ законовъ Швеція — Финляндія тогдо имѣла два: отъ 21. авг. 1772 года и 21. февр. и 3. апрѣля 1789 года, не считая стараго положенія о риксдагахъ 1617 г. и устава рыцарскаго дома 1626 года.

нѣсколько дней спустя были изданы прокламаціи императора къ финляндцамъ о выборѣ депутатовъ, обязанныхъ явиться въ С. Петербургъ, для представленія имперскому правительству свѣдѣній о нуждахъ и желаніяхъ края. Между тѣмъ эти воззванія на первое время оставались почти безъ послѣдствій, отчасти потому, что избраніе такихъ депутатовъ считалось не согласнымъ съ древними установленіями страны, отчасти же, конечно, и потому, что значительная часть страны на сѣверѣ еще была занята шведско-финскими войсками. — Буксгевденъ даже долженъ былъ 14/26 августа издать объясненіе, что рѣчь вовсе не шла о созваніи формальнаго сейма, а только о съѣздѣ депутатовъ, которые представили бы императору соображенія о нуждахъ и пользахъ народа, и такъ какъ тѣмъ временемъ главнѣйшая часть страны постепенно была покорена русскими, то выборы наконецъ состоялись въ ближайшее послѣ этого время, но только въ покоренной части Финляндіи.

Въ виду отъѣзда Императора Александра на свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртъ, депутаты прибыли въ С. Петербургъ только въ концѣ октября мѣсяца, но прошелъ еще слишкомъ мѣсяцъ, прежде чѣмъ они были приняты государемъ. Въ этотъ промежутокъ времени дѣла Финляндіи были предметомъ всесторонняго обсужденія императоромъ и его совѣтниками. Въ числѣ послѣднихъ Спренгтпортенъ, который по назначеніи барона Кнорринга главнокомандующимъ, вмѣстѣ удаленнаго Буксгевдена, принялъ должность будущаго генералъ-губернатора Финляндіи, занималъ еще болѣе выдающее мѣсто чѣмъ прежде. Проекты его, одобренные министрами, мнѣніе которыхъ было запрошено, сводились къ

безотлагательному созванію „une assemblé générale et constituante", на которомъ слѣдовало бы присутствовать самому государю, и къ учрежденію въ Финляндіи временнаго правительства, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ уроженцевъ края.[1]) На проекты эти императоръ вообще согласился, за однимъ только исключеніемъ, на которомъ небезъинтересно нѣсколько остановиться. — Въ нихъ значилось, между прочимъ, чтобы финляндскія дѣла докладывались монарху подлежащими русскими министрами и чтобы рѣшенія государя черезъ нихъ же сообщались генералъ-гувернатору, но съ этимъ не согласился императоръ. Онъ собственноручно прибавилъ: „ эту статью исключить; всѣ представленія отъ генералъ-губернатора должны быть дѣлаемы прямо ко мнѣ",[2]) и этимъ далъ поводъ къ учрежденію впослѣдствіи въ С. Петербургѣ должности финляндскаго статсъ-секретаря, предуказавъ такимъ образомъ предположенное имъ будущее положеніе Финляндіи.

Наконецъ 30 ноября депутаты были приняты императоромъ, которому они на слѣдующій день черезъ своего предводителя, барона, впослѣдствіи графа, Маннергейма[3]) представили меморіалъ, въ которомъ изъявляли готовность сообщить всякія свѣдѣнія и давать объясненія по крайнему разумѣнію, но рѣшительно заявили, что не могутъ считаться законными представи-

---

[1]) Главное содержаніе записки Спренгтпортена изложено въ „Соединеніи Финляндіи съ Росс. Держ." Даніельсона, стр. 81—82.

[2]) „Cet article est excepté. Toutes les représentations seront faites directement à moi". Даніельсонъ, стр. 124. Фишеръ, Finland and the Zsars, 1899 г., стр. 29.

[3]) Баронъ Карлъ Эрикъ Маннергеймъ, родился въ 1759 году, возведенъ въ графское достоинство въ 1824 и скончался въ 1837 году.

телями народа, а потому почтительнѣйше ходатайствовали о передачѣ всѣхъ послѣдующихъ рѣшеній созванному въ предѣлахъ края сейму.

Депутація, которая такимъ образомъ поддержала завѣтную мысль Спренгтпортена и еще въ другомъ представленіи вновь высказалась въ томъ же смыслѣ, оставалась еще нѣсколько недѣль въ русской столицѣ, занимаясь порученными ей дѣлами, и была отправлена обратно въ началѣ января, съ обѣщаніемъ государя принять представленія ихъ на всемилостивѣйшее разсмотрѣніе.

ГЛАВА III.

Сеймъ въ городѣ Борго.

Съ завоеваніемъ Финляндіи Россіею въ 1809 году завершилась судьба, которую, какъ можно было предвидѣть, ожидала ея съ того момента, когда Петръ Великій, для открытія себѣ доступа къ морю, основалъ свою новую столицу на берегу Финскаго залива. Могущество Россіи послѣ этого начало неудержимо расти, между тѣмъ какъ Швеція почти въ той же мѣрѣ ослабѣвала, и притомъ въ ней долженъ былъ произойти внутренный разладъ, по мѣрѣ того какъ стали сознательно проявляться особая финская народность и особый финскій языкъ. Но что завоеваніе произошло такъ счастливо для финляндцевъ, объясняется совпаденіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, въ связи съ характеромъ Императора Александра I и господствовавшими въ то время либеральными и гуманными воззрѣніями. Не безъ основанія поэтому на тріумфальной аркѣ, воздвигнутой

по случаю прибытія государя въ Або въ 1809 году, красовалась надпись: „Его войска овладѣли краемъ, а кротость его покорила народъ."

1го февраля воспослѣдовало объявленіе о созывѣ общаго сейма въ г. Борго на 22 марта, „сообразно съ установленіями края", въ виду чего „уполномоченные всѣхъ сословій имѣютъ отправиться туда въ порядкѣ, установленномъ сеймовыми уставами,[1]) для сужденій по тѣмъ предметамъ, кои мы признаемъ за благо довѣрить ихъ обсужденію". Впрочемъ, императоръ здѣсь впервые называетъ себя также „Великимъ Княземъ", и употреблявшееся въ прежнихъ объявленіяхъ слово „провинція" теперь замѣнено названіемъ „Великое Княжество Финляндское".

И такъ къ назначенному времени въ г. Борго собрались избранные прежнымъ порядкомъ представители сословій, но и предшествовавшій промежутокъ времени не прошелъ безслѣдно. Еще до исхода 1808 года Манпергеймъ, по предложенію министра иностранныхъ дѣлъ, графа Салтыкова, представилъ краткую записку о взаимныхъ правахъ монарха и государственныхъ чиновъ, установленныхъ шведскою конституціею, и о церемоніалѣ и порядкѣ преній на шведскихъ риксдагахъ; но такъ какъ государь пожелалъ обстоятельнѣе ознакомиться съ этимъ предметомъ, то были истребованы дополнительныя свѣдѣнія отъ чиновника русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Бука, который владѣлъ нѣсколькими

---

[1]) „Установленіями", о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, очевидно подразумѣваются форма правленія 1772 г. и актъ соединенія и безопасности 1789 г., „Сеймовые уставы" означаютъ сеймовый уставъ 1617 г., уставъ рыцарскаго дома 1626 г. и законоположенія объ избирательномъ правѣ недворянскихъ сословій.

языками и былъ знакомъ съ публичнымъ правомъ Швеціи, а также и въ особенности отъ совѣтника гофгерихта Ребиндера,[1]) для сего вызваннаго въ С. Петербургъ, вѣроятно по совѣту Спренгтпортена. Въ составленномъ на французскомъ языкѣ обстоятельномъ меморіалѣ Ребиндера заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто: „прежде сословія собирались черезъ каждые три года и даже чаще и пользовались гораздо болѣе обширными правами нежели теперь, но послѣ государственнаго переворота 1772 г. и акта безопасности 1789 г. за ними оставлены лишь вышеуказанныя ограниченныя права.“[2]) Приведенное мѣсто служитъ яснымъ доказательствомъ неосновательности заявленія русскихъ авторовъ о томъ, будто императоръ не зналъ о существованіи основныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ.

Затѣмъ, за нѣсколько дней до открытія Боргоскаго сейма, назначенный ландмаршаломъ сейма (предсѣдателемъ сословія дворянства), баронъ Робертъ Вильгельмъ Де Гееръ, принявшій участіе въ приготовленіяхъ къ сейму, а также назначенный тальманомъ сословія духовенства, Абоскій епископъ Яковъ Тенгстремъ, были вызваны въ С. Петербургъ для принесенія передъ мо-

---

[1]) Баронъ Робертъ Ребиндеръ, род. въ 1777 году и былъ совѣтникомъ Абоскаго гофгерихта будучи вызванъ во время пахожденія депутаціи въ С. Петербургѣ. Состоявъ нѣкоторое время при Сперанскомъ, Ребиндеръ въ 1811 году былъ назначенъ его преемникомъ, со званіемъ статсъ-секретаря Финляндіи, въ 1817 году онъ избранъ въ почетные члены русской академіи наукъ, въ 1834 году получилъ званіе министра статсъ-секретаря и умеръ въ 1841 году въ графскомъ достоинствѣ.

[2]) „Ci-devant les états s'assemblèrent chaque troisième année et même plus souvent et avaient des droits plus larges qu'à présent, mais depuis le changement de régence 1772 et l'acte de sûreté en 1789 ils sont restreints aux circonstances ci dessus nommées.“

нархомъ тальманской присяги. Первый далъ клятву, согласно сообщенной Даніельсономъ французской формѣ присяги, между прочимъ, „безпристрастно и безбоязненно поддерживать и охранять всѣ права короны, также какъ привилегіи дворянства и права земскихъ чиновъ, сообразно дѣйствующимъ конституціямъ и основнымъ законамъ“; второй же далъ клятвенное обѣщаніе „приложить всѣ усилія къ сохраненію и защитѣ истиннаго и чистаго евангелическо-лютеранскаго ученія“.[1]) Такимъ образомъ и при этихъ актахъ были сдѣланы указанія на унаслѣдованныя отъ Швеціи публичныя правовыя нормы.

Императоръ Александръ въѣхалъ въ Борго при колокольномъ звонѣ, 27 марта, когда еще не прошло двухъ недѣль послѣ заарестованія въ Стокгольмѣ и низверженія съ престола короля Густава IV Адольфа, заговорщиками, руководимыми прославившимся въ финляндскую войну Адлеркрейцомъ, при участіи прибывшаго изъ Гетеборга главнокомандующаго западною арміею, Георгія Адлерспарре, — событія, послѣдствія котораго конечно во многомъ отразились также на Финляндіи. Въ Борго уже за нѣсколько дней до пріѣзда императора собрались сеймовые депутаты, избранные согласно Высочайшему объявленію о созывѣ сейма въ порядкѣ, указанномъ шведско-финскимъ законодательствомъ. Представителей дворянскаго сословія собралось около 79,

---

[1]) „Это не удивительно“, — говоритъ русскій авторъ Ординъ, которому подобная вѣротерпимость сильно не по душѣ, — „въ Императорѣ Александрѣ I, который лишь въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ ознакомился съ евангеліемъ, но въ александро-невскомъ семинаристѣ Сперанскомъ оно представляется рѣшительно вѣроотступничествомъ“. II стр. 316/17.

духовенства 8, горожанъ 19, съ тальманомъ (предсѣдателемъ) купцомъ Трапомъ во главѣ, и крестьянъ 30, съ тальманомъ Петръ Клокарсъ. Всѣ они теперь были герольдами приглашены на слѣдующій день явиться передъ государемъ на торжественное открытіе сейма.

Какъ выше было сказано, императоръ, благодаря обстоятельнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Маннергейма, Бука и Ребиндера, былъ вполнѣ посвященъ въ шведско-финскія государственно правовыя отношенія, а потому отъ вниманія его и финляндскихъ и русскихъ совѣтниковъ его не могло ускользнуть, что основные законы, въ частности же форма плавленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года, содержали не мало положеній, непримѣнимыхъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Но, за исключеніемъ Егергорна, который предлагалъ императору немедленно привести общее законодательство въ согласіе съ новымъ порядкомъ вещей и принять титулъ „Короля Финляндскаго“, чѣмъ уже формально были бы устранены многія затрудненія, всѣ совѣтовали государю просто утвердить законы о государственномъ устройствѣ въ общемъ смыслѣ, безъ подробнаго перечисленія ихъ и не входя въ разборъ болѣе не примѣнимыхъ или требующихъ пересмотра положеній, которыя и такъ были ясны для всякаго здравомыслящаго человѣка, и на этотъ разъ ограничиться передачею сейму предложеній или „пропозицій“, какъ они назывались на шведскихъ риксдагахъ, по тѣмъ вопросамъ, которые прежде всего требовали разрѣшенія.

Сообразно съ тѣмъ и было поступлено. Это относится прежде всего къ знаменитому первому, такъ называему акту удостовѣренія — великая хартія Финляндіи,

какъ его также назвали — составленный на русскомъ языкѣ, но снабженный также официальнымъ шведскимъ переводомъ; онъ слѣдующаго содержанія:

„Божіею Милостію, Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр., Великій Князь Финляндскій и пр., и пр., и пр., Объявляемъ черезъ сіе. Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе, отъ мала до великка, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и неприложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15 дня 1809 года.“ На подлинномъ подписано собственноручно: „Александръ.“ [1])

---

[1]) Приведемъ текстъ официальнаго шведскаго перевода: „Wi Alexander I, med Guds nåde, Kejsare och Sjelfherskare öfver hela Ryssland etc. etc., Storfurste till Finland etc. etc., göre veterligt: att sedan Wi genom Försynens skickelse tagit Storfurstendömet Finland i besittning, hafve Wi härmedelst velat bekräfta och stadfästa landets religion och *grundlagar* samt de privilegier och rättigheter, hvart och ett Stånd inom berörde Storfurstendöme isynnerhet och alla dess *inbyggare* i gemen så högre som lägre, hittils enligt dess *konstitution* åtnjutit, lofvandes att bibehålla alla dessa förmåner och författninger fasta och oförryckta i sin fulla kraft. Till yttermera visso hafva vi tecknat denna försäkringsakt med Wår egenhändiga underskrift. Gifvet i Borgå den 15/27 Martii 1809.“

По проф. Мандельштаму, переводъ долженъ бы быть изложенъ слѣдующимъ образомъ: „Sedan Wi genom den Högstes skickelse tagit i besittning Storfurstendömet Finland, hafva Wi funnit godt att härmedels ånyo stadfästa och bekräfta religionen, *grundlagarna*, de rättigheter och privilegier, som hvarje detta Furstendömes stånd

Какъ изъ помѣченнаго на этомъ актѣ числа видно, онъ былъ подписанъ въ день въѣзда государя въ Борго, но въ этотъ день еще не былъ обнародованъ.

На слѣдующій день, 28 марта, представители сословій съ ихъ тальманами предстали въ городскомъ училищномъ домѣ передъ императоромъ, который открылъ собраніе французскою рѣчью, прочитанною затѣмъ пошведски Спренгтпортеномъ. „Я обѣщалъ[1]) сохранить вашу конституцію, ваши основные законы“ — j'ai promis de maintenir votre *constitution*, vos lois fondamentales — говоритъ онъ, между прочимъ, и затѣмъ продолжаетъ: „Это собраніе составитъ *эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи*“ — Cette réunion fera époque dans votre existence politique;[2]) elle est destinée à affermir les noeuds qui vous attachent au nouvel ordre des choses, à compléter *les droits, que le sort de la guerre*

---

särskildt och alla detsamma befolkande undersåter, från små till stora, härintills enligt dess konstitutioner åtnjutit, lofvande att bevara dem i deras okränkbara och oföränderliga kraft och verkan, till bekräftelse hvaraf Wi behagat genom egenhändig underskrift stadfästa denna försäkran.

[1]) Говоря „я обѣщалъ“, государь явно имѣлъ въ виду подписанный наканунѣ, но еще не обнародованный актъ удостовѣренія.

[2]) Такъ какъ многіе русскіе авторы придаютъ такое важное значеніе выраженіямъ, употреблявшимся въ разныхъ рѣчахъ императора, — между прочимъ, относительно того, было ли имъ употреблено слово „constitution“ или „constitutions“, — къ чему мы еще возвратимся, — то заслуживаетъ вниманія заявленіе Сперанскаго, что весь церемоніалъ собранія 29 марта былъ предварительно представленъ государю на французскомъ языкѣ и имъ же одобренъ; въ этомъ церемоніалѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: „Après quoi le gouverneur general declarera, que sa Majesté imperiale a daigné confirmer solennellement la *constitution* de la Finlande en la sanctionnant de sa signature“.

m'a déférés, par des droits[1]) plus chers à Mon coeur, *plus conformes à Mes principes*, ceux que donnent les sentiments de l'amour et de l'affection. — Затѣмъ назначеннымъ на этотъ случай канцлеромъ юстиціи были прочитаны высочайшія предложенія сейму, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, но изъ введенія которыхъ здѣсь приводятся слѣдующія слова: „Его Имп. Величество, созывая сословія на общій сеймъ, желалъ явить тѣмъ самымъ торжественное доказательство Его великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти непарушимо религію, законы, *конституцію* (constitution) и привилегіи страны."

Главное собраніе состоялось 20 марта въ Боргоской церкви. Сидя на тронѣ, украшенномъ финляндскимъ гербомъ, золотымъ львомъ, государь принялъ присягу сословій на вѣрноподданство и вѣрность, по прочитанной канцлеромъ юстиціи формѣ, въ которой они не только обѣщались хранить вѣрность и повиноваться Императору Всероссійскому и Великому Князю Финляндскому, но и сохранить „основные законы и конституцію страны въ томъ видѣ, какъ нынѣ существуютъ и дѣйствуютъ", послѣ чего Генералъ-Губернаторомъ отъ высочайшаго имени былъ прочтенъ вышеприведенный, императоромъ 27 марта подписанный актъ удостовѣренія, русскій подлинникъ котораго былъ переданъ ландмаршалу. Такимъ образомъ присяга земскихъ чиновъ на вѣрноподданство и торжественное удостовѣреніе императора какъ бы соединились во едино, обоюдно дополняя другъ-друга. Затѣмъ, тальманами всѣхъ сословій были произнесены благодарственныя рѣчи императору, причемъ крестьянское сословіе благодарило за всемило-

[1]) Подчеркиванія здѣсь и въ другихъ мѣстахъ едѣланы авторомъ настоящаго труда.

стивѣйшее обѣщаніе сохранять *конституцію Финляндіи.*[1]) Въ заключеніе этого торжества императоръ произнесъ нѣсколько милостивыхъ словъ,[2]) послѣ чего одинъ изъ герольдовъ дворянства, выступивъ предъ тропомъ, возгласилъ, при пушечномъ салютѣ: „да здравствуетъ Александръ I, Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій". Потомъ пробстомъ Боргоскаго собора съ соборной каѳедры была прочтена благодарственная молитва и пропѣто было „Тебѣ Бога хвалимъ", подъ звуки трубъ и литавровъ; этимъ было закончено торжественное принесеніе присяги, которое сохранилось въ вѣрной памяти финскаго народа и увѣковѣчено на картинѣ, висящей въ залѣ собраній сената въ Гельсингфорсѣ.

Императоръ еще нѣсколько дней оставался въ Финляндіи, но при своемъ отъѣздѣ онъ издалъ на французскомъ языкѣ объявленіе, помѣченное въ г. Борго 4 апрѣля 1809 года, которое по его повелѣнію, было прочтено въ шведскомъ и финскомъ переводахъ въ церквахъ края и тамъ вывѣшено рядомъ съ удостовѣреніемъ 27 марта и удостовѣреніями послѣдовавшихъ императоровъ. Въ этомъ объявленіи, которое мы, въ виду знаменательнаго его содержанія, приводимъ на подлинномъ языкѣ, сказано, между прочимъ: „Ayant

---

[1]) Рѣчь была представлена государю въ французскомъ переводѣ, въ которомъ сказано: „Aussi l'ordre des paysans va mettre aux pieds de V. M. les remerciements les plus soumis de l'assurance solennelle scellée par la signature de Votre nom auguste, que Votre Majesté Impériale vient aujourd'hui de donner selon *les lois fondamentales de ce pays* du maintien très grâcieux de la *constitution* de la Finlande." Даніелсонъ, стр. 134.

[2]) Приведены пошведски у Берга, стр. 14, и пофранцузски у Фишера, стр. 40.

réuni les états de la Finlande en une Diète générale et reçu leurs serments de fidélité, Nous avons voulu à cette occasion par un act solennel emané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de l'Être Suprème, confirmer et assurer le maintien de la Religion, des lois fondamentales, les droits et les privelèges, dont chaque état en particulier et tous les habitants de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent. En faisant promulguer cet acte Nous croyons devoir instruire en même temps Nos fidèles sujets de Finlande qu'en Nous conformant à l'usage antique et révéré de ce pays, Nous regardons les serments de fidélité par les états en général et par les députés des paysans en particulier en leur nom et en celui de leur commettans, de leur mouvemens propres et spontanés, comme bons et obligatoires pour tous les habitans de la Finlande."[1])

Занятія сейма послѣ этого продолжались слишкомъ три мѣсяца. Что для этого потребовалось такъ много времени, хотя сейму было передано не болѣе четырехъ,

---

[1]) Соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, Мы пожелали при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи, въ святилищѣ Всевышняго, подтвердить и удостовѣрить сохраненіе религіи, основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще доселѣ пользовались. Обнародуя симъ этотъ актъ, Мы полагаемъ должнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ въ Финляндіи, что слѣдуя старинному и чтимому обычаю этого края, Мы взираемъ на присягу вѣрности, добровольно и по собственному побужденію принесенную сословіями вообще и депутатами отъ крестьянъ въ частности, за себя и за своихъ довѣрителей, какъ за дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи присягу." Бергъ l. c. стр. 15 и Фишеръ стр. 45.

правда, довольно обширныхъ, законопроектовъ[1]) и хотя сеймъ, согласно требованію Сперанскаго, ограничивался обсужденіемъ изложенныхъ въ нихъ вопросовъ, естественно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что учрежденій, обязанныхъ озаботиться предварительною разработкою законопроектовъ на шведскихъ риксдагахъ, въ данномъ случаѣ не имѣлось, такъ какъ правительствующій совѣтъ, учрежденіе котораго было предметомъ одного изъ сеймовыхъ предложеній, еще не существовалъ.

По всѣмъ четыремъ предложеніямъ были представлены обстоятельныя заключенія коммиссій и состоялись пространныя пренія, представляющія, однако, въ этой связи малый интересъ. Первое изъ этихъ предложеній послужило основаніемъ изданія 27 марта слѣдующаго года (1810), высочайшаго манифеста на шведскомъ и французскомъ языкахъ, въ которомъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее начало: „Du moment, — говоритъ императоръ, — que la Providence nous a rémis le sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une *nation libre* et jouissant des droits, que *sa constitution* lui garantit“, и продолжаетъ далѣе: „Le maintien de la Religion et des lois, la réunion de la Diéte, la formation du conseil de régence au sein de la nation, la conservation intacte de l'ordre judiciaire et administratif en sont des preuves, qui doivent assurer à la nation Finnoise les droits de son existence politique...[2]) Четвертое

[1]) Первое предложеніе касалось военнаго устройства края, второе-взиманія податей, третье — монетной системы и четвертое — учрежденія правительствующаго совѣта. Бергъ l. c. стр. 21.

[2]) Съ тѣхъ поръ, какъ Провидѣніе вручило Намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшились управлять этою страною, какъ свободнымъ народомъ, пользующимся правами, обезпеченными за нимъ его конституціею. Сохраненіе религіи и законовъ, созваніе Сейма, учреж-

и послѣднее предложеніе, которое, какъ самое важное и сложное, было разработано въ особой коммиссіи, среди членовъ которой особенно выдѣлялись Ребиндеръ и Калоніусъ, удостоилось, 18 августа того же года, утвержденія Императора Александра и было издано подъ названіемъ „регламента правительствующаго совѣта Великаго Княжества Финляндскаго.“ Мы еще возвратимся къ этому знаменательному манифесту; здѣсь только отмѣтимъ, что совѣтъ въ одно и то же время образуетъ высшую финляндскую правительственную власть въ самой Финляндіи, вмѣстѣ съ генералъ — гуаернаторомъ, и высшую судебную инстанцію края, и что этотъ совѣтъ, переименованный въ 1816 году въ „финляндскій сенатъ“, съ нѣкоторыми измѣненіями въ отношеніи числа членовъ и пр., сохранилъ до нашего времени присвоенное ему Императоромъ Александромъ I положеніе.

Въ половинѣ іюня мѣсяца государь опять пріѣхалъ въ Борго и закрылъ сеймъ 19 іюля приводившеюся неоднократно рѣчью на французскомъ языкѣ. „Les avis que vous venez d'émettre, говоритъ онъ особо сословіямъ, portent le caractère de la sagesse et de l'amour de la patrie. *Je les prendrai en considération*, dans l'oeuvre important que je médite pour votre prospérité“, а обращаясь къ финскому народу вообще, онъ продолжаетъ: „Ce peuple brave et loyal bénira la Providence qui a amené l'ordre de choses actuel. *Placé désormais au rang des nations* sous l'empire de ses lois, il ne se ressouviendra

---

депіе Правительствующаго Совѣта среди націи, неприкосновенность судебнаго и административнаго порядка суть доказательства, которыя должны обезпечить за финскимъ народомъ права политическаго существованія.

de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié, lorsqu'ils seront retablis par la paix."[1])

Спустя два мясяца, 17 сентября 1809 года, въ Фридрихсгамѣ былъ заключенъ миръ между Швецію и Россіею, ближайшія условія котораго будутъ разсмотрѣны въ слѣдующей главѣ. Этимъ и закончился достопамятный для будущаго государственно-правового положенія Финляндіи 1809 годъ.

ГЛАВА IV.

Основывается ли взаимное государственно-правовое положеніе Финляндіи и Россіи на Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ или на Боргоскихъ актахъ?

И такъ, въ 1809 году судьба Финляндіи была рѣшена, какъ въ международномъ такъ и въ государственно-правовомъ отношеніи, ибо тогда положено было основаніе развитію, продолжѣнному, какъ ниже будетъ показано, законодательными и правительственными мѣрами послѣдовавшаго времени.

Между тѣмъ въ послѣднее время, особенности съ начала царствованія Императора Александра III,[2]) многіе русскіе авторы, въ томъ числѣ также нѣкоторые

---

[1]) „Мнѣнія, которыя вы теперь изложили, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. Я приму ихъ во вниманіе въ важномъ дѣлѣ Мною соображаемомъ въ видахъ вашего преуспѣянія . . . Этотъ честный и лояльный народъ благословитъ Провидѣніе приведшее къ настоящему положенію.

[2]) Съ 2 марта 1881 года по 6 ноября 1894 года.

юристы, какъ напримѣръ профессоръ Коркуновъ, сенаторъ Таганцевъ, Ѳ. Еленевъ и др. выражали разныя сомнѣнія относительно государственно-правоваго положенія Финляндіи въ составѣ Всероссійкаго государства, сомнѣнія, которыя раньше едва ли кому нибудь приходили въ голову, но которыми возбуждены многіе вопросы, подробнѣе разсмотрѣнные и освѣщенные въ ниже слѣдующемъ изложеніи.

На первомъ планѣ стоитъ поставленный въ заголовкѣ настоящей главы, и имѣющій первостепенную важность для освѣщенія этого предмета, вопросъ о томъ, которому изъ главныхъ событій 1809 году — заключенію мирнаго трактата въ Фридрихсвамѣ между Швеціею и Россіею, или соглашенію въ Борго между Императоромъ Александромъ и сеймомъ — слѣдуетъ приписать рѣшающее значеніе для взаимныхъ отношеній Финляндіи и Россіи.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія только слѣдующія двѣ статьи мирнаго договора:

Ст. IV. „Губерніи сіи (Финляндія) со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи[1]) имперіи россійской и къ ней навсегда присоединяются.“

Ст. VI. „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійкій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего

[1]) Въ французскомъ текстѣ: „ainsi que les dependances, prerogatines, droits et émoluments appartiendront desamais en toute propriété et souveraineté à l'empire de Russie“.

соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія."

Само собою разумѣется и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что взаимныя права Россіи и Швеціи на Финляндію, т. е. международныя ихъ отношенія были окончательно установлены приведенною статею IV мирнаго договора. При этомъ право собственности и суверенитетъ, въ смыслѣ международнаго права, перешли отъ шведскаго къ россійскому государству; но когда позднѣйшіе русскіе авторы [1]) утверждаютъ, что этимъ также былъ опредѣленъ характеръ новаго государственно-правоваго отношенія между Россіею и Финляндіею, т. е. что тѣмъ самымъ въ Финляндіи было введено русское самодержавіе (ср. слова: „en toute propriété et souveraineté"), то они не только забываютъ двойное знаменіе суверенитета, — смотря по употребленію его въ смыслѣ международнаго или же государственнаго права, — но упускаютъ совершенно изъ виду статью VI, по ясному содержанію которой государственно-правовой порядокъ, при новомъ положеніи Финляндіи, признается установленнымъ уже раньше („déjà"). Въ данномъ случаѣ, конечно, не могли подразумѣваться какія либо другія событія или факты, какъ именно предшествовавшіе, и ко времени заключенія мира уже извѣстные Боргоскіе акты. Что именно эти акты и имѣлись въ виду императоромъ и его совѣтниками, несомнѣнно доказывается слѣдующимъ письмомъ къ государю русскаго уполномо-

[1]) Между прочими Ѳ. Еленевъ: „les pretentions des séparatistes Finlandais". Парижъ, 1895 года.

ченнаго при мирныхъ переговорахъ, графа Румянцова, отъ 9 сентября: „Чтобы окончить эту депешу, я долженъ донести Вашему Величеству, что баронъ Стедингкъ (уполномоченный со стороны Швеціи) часто и слишкомъ настойчиво указывалъ на необходимость особой статьи, которая обезпечивала бы свободу культа, законы и привилегіи Финляндіи, а также частную собственность. Я не хотѣлъ допустить, чтобы подобная статья была подвергнута обсужденію, выставляя на видъ, что все это относится къ области внутренняго управленія и потому не можетъ быть предметомъ дипломатическаго соглашенія. Г. Стедингъ ссылался на различные трактаты, въ которыхъ дѣйствительно держава, уступающая провинціи, выговариваетъ извѣстныя условія въ пользу подданныхъ, отъ которыхъ она отказывается. Я не отрицалъ правильности его ссылокъ, но мнѣ легко было доказать какъ мало аналогіи между всѣми прежними пріобрѣтеніями и теперешнимъ пріобрѣтеніемъ Вашего Величества. Ваше Величество пріобрѣли любовь финляндцевъ, *явились среди нихъ въ качествѣ Государя еще до заключенія трактата, лично приняли ихъ вѣрноподданническую присягу, открыли въ качествѣ ихъ Монарха сеймъ Великаго Княжества.* Этотъ доводъ сослужилъ мнѣ добрую службу.[1])

Противъ этого безполезно возражать, что Финляндія была завоевана русскимъ оружіемъ и что право войны

---

[1]) Сообщено Даніельсономъ: „Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою". — Румянцовъ прибавляетъ, что вторымъ шведскимъ уполномоченнымъ (Шёльдербрандтъ) былъ составленъ проектъ ст. VI, который былъ принятъ, потому что „онъ не подрываетъ, а напротивъ подтверждаетъ силу моего принципа, которымъ указывалось, что Ваше Величество стали Государемъ Финляндіи до заключенія трактата."

должно считаться съ того момента, когда завоеваніе было утверждено мирнымъ договоромъ, ибо, — какое бы значеніе ни придавалось Боргоскимъ актамъ, — все же признается, если не всѣми, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыми, даже изъ авторовъ, односторонне ратовавшихъ за право Россіи на Финляндію, что этими актами уже до заключенія мира было создано какъ фактическое такъ и правовое положеніе, влѣдствіе чего, какъ и прямо указано въ ст. VI, обыкновенныя вообще оговорки въ пользу жителей уступленныхъ областей представлялись излишними. Въ виду этого для правильнаго освѣщенія даннаго вопроса и приходится придерживаться означенныхъ актовъ.

Для дальнѣйшаго выясненія взгляда Императора Александра на поставленный нами вопросъ, остается только привести извѣстныя слова его, сказанныя при открытіи сейма о значеніи послѣдняго: „Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи; оно имѣетъ цѣлью укрѣпить узы, призывающія васъ къ новому порядку вещей, *пополнить права, предоставленныя Мнѣ военнымъ счастіемъ, правами болѣе дорогими для Моего сердца, болѣе сообразными съ Моими принципами,*[1]) тѣми, что даютъ чувства любви и привязанности.“ Тотъ же взглядъ выраженъ, если возможно, еще болѣе опредѣленно въ слѣдующихъ словахъ, взятыхъ изъ приведеннаго ниже письма императора къ тогдашнему финляндскому генералъ-гувернатору отъ 1810 года: „Мое намѣреніе было дать этому народу существованіе политическое, дабы онъ не сознавалъ себя поко-

[1]) . . . . à compléter *les droits, que le sort de la guerre m'a déférés par les droits* plus chers à mon coeur, *plus conformes à mes principes,* ceux que donnent les sentiments de l'amour et de l'affection.

реннымъ Россіею.“ Ясно, что онъ имѣлъ въ виду болѣе возвышенный способъ пріобрѣтенія, нежели простое право завоеванія, и съ этой точки зрѣнія моментъ окончательнаго утвержденія права завоеванія мирнымъ договоромъ очевидно имѣлъ для него только второстепенное значеніе.

Вѣрная оцѣнка разсматриваемыхъ актовъ слѣдовательно не представлятъ никакихъ затрудненій, ни съ принципіалной стороны ни въ государственно-правовомъ и международномъ отношеніяхъ. Исходомъ войны, уже вскорѣ послѣ начала ея, завершилось фактическое завоеваніе — это первая стадія; государственно-правовымъ результатомъ завоеванія является признаніе императоромъ въ городѣ Борго дальнѣйшаго существованія Финляндіи въ видѣ *особой конституціонной области*, — это вторая стадія; когда отказомъ Швеціи отъ части ея территоріи было устранено препятствіе для введенія новаго порядка, то государственно-правовое соглашеніе получило международное утвержденіе, и это третья и послѣдняя рѣшительная стадія. Мирный договоръ являлся только удостовѣреніемъ совершеннаго факта, а Боргоскій сеймъ есть тотъ базисъ, на которомъ должна быть основана оцѣнка положенія Финляндіи.

ГЛАВА V.

Правовое значеніе и послѣдствія Боргоскихъ актовъ.

Придавая слѣдовательно рѣшающееся значеніе Боргоскимъ актамъ, каковое мнѣніе подтверждается большою торжественностью всего тамъ происходившагося, и ограничивая значеніе мирнаго договора условіемъ для вступленія въ силу, въ полномъ объемѣ, состоявшагося въ Борго соглашенія, весьма важно, конечно, изслѣдовать въ чемъ собственно это соглашеніе заключалось и какія правовыя послѣдствія могутъ быть признаваемы за нимъ.

Прежде чѣмъ войти въ подробное разсмотрѣніе этого предмета, по которому новѣйшіе русскіе и финляндскіе юристы[1]) рѣзко расходятся во взглядахъ,

---

[1]) Изъ *русскихъ* авторовъ, кромѣ Еленева, назовемъ здѣсь профессора петербургскаго университета Коркунова: „Правовое взаимное отношеніе Имперіи и Великаго Княжества“; сенатора Тагапцева: „Манифестъ 19 декабря 1890 года“, и самаго ранняго изъ нихъ, нынѣ умершаго гофмейстера Ордина, сочиненіе котораго „Покореніе Финляндіи“ обратило на себя большое вниманіе въ Россіи и вызвало негодованіе въ Финляндіи. Въ числѣ финляндскихъ авторовъ упомянемъ прежде всего бывшаго профессора, сенатора Мехелина, автора многихъ болѣе крупныхъ и мелкихъ сочиненій, какъ-то: „Precis du droit public de Finlande“; „Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи“, Гельсингфорсъ, 1890 года: „Сущность основныхъ законовъ Финляндіи“, Гельсингфорсъ 1899 года и пр.; профессора Даніельсона, который, кромѣ упомянутаго уже сочиненія, издалъ „Внутренняя самостоятельность Финляндіи“, Гельсингфорсъ 1892 года; профессора Германсона, главное сочиненіе котораго по этому вопросу названо: „Государственно-правовое положеніе Финляндіи“, Гельсингфорсъ, 1892 года, которому также принадлежитъ т. н. „Возраженіе по вопросу о положеніи Финляндіи“,

необходимо сначала отвѣтить на два вопроса общаго характера.

Могъ ли Императоръ Александръ, спрашивается во первыхъ, за себя и за Россію отказаться отъ правъ завоеванія на Финляндію? Такъ какъ императоръ, однако, въ данномъ случаѣ былъ самодержавнымъ государемъ всей Россіи, то отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительный, тѣмъ болѣе, что даже авторы, наиболѣе завистливые къ финляндцамъ, признаютъ, что императоръ, не смотря на право завоеванія, могъ имѣть основаніе разрѣшить имъ разныя особыя мѣстныя привилегіи. Но разъ онъ былъ вправѣ сдѣлать одно, то онъ очевидно могъ сдѣлать и другое. Затѣмъ ставится другой вопросъ: было ли въ то время вообще возможно вести переговоры или заключать обязывающіе къ чему договоры съ финляндцами, которые тогда еще были подданными другой державы и потому лишены права самостоятельно входить въ сношенія съ иностранными государствами? Но если даже съ международной точки зрѣнія и нельзя отвѣтить на это утвердительно, то съ другой стороны вообще признается, что права воюющей стороны различны, смотря по тому, занята ли извѣстная территорія только ради военныхъ цѣлей или съ цѣлью полнаго отторженія отъ противника. Въ первомъ случаѣ юридическое значеніе имѣютъ только текущія административныя распоряженія, а въ

1894 года; и Эдв. Берга „Государственно-правовое развитіе Финляндіи“, Гельсингфорсъ 1889 года. Интересны также сочиненія расположенныхъ къ Финляндіи русскихъ авторовъ: „Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи“ (В. Головина), Гельсингфорсъ, 1891 года, и Дмитрія Философова „Финляндія и Россія“, изданное по поводу сочиненія Еллинека „Über Statsfragmente“, Гейдельбергъ, 1896 года.

послѣднемъ также мѣры организаціонныя. Войны Петра Великаго съ Швеціею и нѣкоторыя войны Наполеона представляютъ примѣры обоихъ родовъ; само собою разумѣется, что впослѣдствіи требуется формальная уступка противникомъ занятой территоріи, каковая уступка имѣетъ полную силу обратнаго дѣйствія. Какъ выше было упомянуто, Россія уже въ мартовскомъ манифестѣ 1808 года официально объявила всей Европѣ, что признаетъ Финляндію завоеванною навсегда областью. Тогда съ точки зрѣнія международнаго права было необходимо, чтобы завоеватель при осуществленіи своей фактической власти озаботился о созданіи органа для переговоровъ, — что̀ въ данномъ случаѣ и было сдѣлано, созывомъ законныхъ представителей страны, въ установленномъ и всѣмъ извѣстномъ порядкѣ. Эти представители, казалось бы, должны считаться компетентными не только принимать но и давать обязательства, въ предположеніи окончательной уступки страны, состоявшейся затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Послѣ этого возвратимся къ главному вопросу: какія именно права были предоставлены Финляндіи на Боргоскомъ сеймѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ торжественно объявленное въ соборѣ удостовѣреніе, подписанное императоромъ двумя днями раньше, 27 марта, въ связи съ принесенною затѣмъ сословіями присягою на вѣрноподданство.

Ссылаясь на сообщенный профессоромъ русскаго языка при Гельсингфорсскомъ университетѣ Мандельштамомъ дословный переводъ (въ примѣчаніи на стр. 27) удостовѣренія или манифеста, какъ его называютъ русскіе, приведу здѣсь для сравненія французскій текстъ,

взятый изъ сообщенной русскимъ посольствамъ, офиціальнымъ путемъ, брошюры, подъ названіемъ „Манифестъ 3/15 февраля 1899 года и Финляндія."

„La volonté du Très Haut Nous ayant fait entrer en possession du grand duché de Finlande Nous avons jugé bon du confirmer et ratifier à nouveau par la présente la religion, *les lois primitives*, ainsi que les droits et priviléges, dont chaque classe de ce duché en particulier et tous les sujets, qui l'habitent, ont joui jusqu'ici d'après leurs constitutions, en promettant de les maintenir dans leur force inebranlable et leur activité. En foi de quoi Nous avons daigné confirmer cette lettre patente en la signant de Notre propre main."

Мы охотно сознаемъ, что *офиціальный* шведскій переводъ удостовѣренія въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходится съ русскимъ текстомъ, который въ случаяхъ сомнѣнія долженъ имѣть рѣшающее значеніе; но также несомнѣнно, что этимъ неточностямъ съ русской стороны придается преувеличенное и неосновательное значеніе. Въ особенности Ординъ, отчасти поддерживаемый Еленевымъ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ для нападокъ. Что слово „вновь" было пропущено въ первоначальномъ переводѣ и слово „подданные" замѣнено словомъ „inbyggare" (жители) на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакаго значенія, что также можно сказать о вставкѣ слова „landets" (страны) передъ словомъ „религія". И не смотря на всякія разглагольствованія по этому предмету, вполнѣ безразлично, употреблено ли было слово „конституція" или „конституціи", во множественномъ числѣ, потому что въ то время, какъ уже раньше объяснено, въ Финляндіи фактически дѣйствовало нѣсколько законовъ о государственномъ устройствѣ

(форма правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года); къ тому же императоръ нѣсколько разъ, между прочимъ, въ рѣчи, произнесенной имъ наканунѣ прочтенія манифеста, употреблялъ то-же слово въ единственномъ числѣ („j'ai promis de maintenir votre constitution"), не предполагая, конечно, чтобы единственному или множественному числу могло придаваться столь важное значеніе.

Только въ одномъ отношеніи повидимому встрѣчается несогласіе между переводомъ Мандельштама и французскимъ переводомъ, „одобреннымъ правительствомъ",[1]) какъ онъ пожалуй можетъ быть названъ. Несогласіе это заключается въ томъ, что слова подлинника „коренные законы" пошведски переведены словомъ „grundlagar" и пофранцузски словами „les lois primitives". Приведенное русское слово „коренные" (отъ „корень": что̀ давняго происхожденія), по мнѣнію Ордина, въ то время не могло употребляться о сравнительно новыхъ законахъ, какими были законы о государственномъ устройствѣ 1772 и 1789 годовъ, но могло относиться развѣ только къ гражданскому уложенію 1734 года и церковному уложенію 1686 года, а всего скорѣе къ такимъ древнимъ положеніямъ, которыя не сведены въ какой либо особый законъ и которыя, быть можетъ, возникли уже раньше всякаго писаннаго закона, какъ

[1]) Впрочемъ достойно вниманія, что теперь „одобренный правительствомъ" текстъ, спустя 90 лѣтъ послѣ Боргоскаго сейма, можетъ лучше объяснить то, что хотѣлъ сказать пофранцузски Императоръ Александръ I, чѣмъ онъ самъ зналъ нѣсколько дней спустя послѣ прочтенія акта удостовѣренія, когда онъ въ объявленіи финскому народу, изданномъ въ подлинникѣ пофранцузски, говорилъ о „les lois fondamentales", что̀ конечно означаетъ только „основные законы".

то свобода отъ рабства и рекрутской повинности, право владѣть землею и т. д., а потому слово это должно быть переведено словами „lois primitives“ или „originaires“, а пошведски новымъ, созданнымъ для этого случая словомъ „rotlagar“. Для слова „grundlagar“ въ русскомъ языкѣ имѣется выраженіе „основные законы“, которое въ данномъ случаѣ нарочно не было употреблено. — На первый взглядъ все это кажется не совсѣмъ неправдоподобнымъ, а между тѣмъ съ финляндской стороны[1]) обстоятельно и совершенно ясно доказано, что слово „основные“ еще не существовало въ началѣ 19:го столѣтія[2]) и слѣдовательно не могло быть употреблено въ манифестѣ, тогда какъ въ то время и еще много лѣтъ спустя о соотвѣтствующихъ законахъ исключительно употреблялось выраженіе „коренные“.[3]) Уже этимъ опровергается мнѣніе Ордина, со сдѣланными имъ выводами. Впрочемъ это мнѣніе представляется тѣмъ болѣе

[1]) Германсонъ: Государственноправовое положеніе Финляндіи, стр. 76 и слѣд.

[2]) Слово это не встрѣчается въ словаряхъ конца XVIII и начала XIX столѣтія.

[3]) Довольно интересный аргументъ для освѣщенія пустыхъ словъ, потраченныхъ на поясненіе вышеупомянутаго выраженія, даетъ, обявленный много лѣтъ спустя, манифестъ 29 марта 1826 года, объ упраздненіи комиссіи финляндскихъ дѣлъ въ С. Петербургѣ. Въ § 1 манифеста постановлено, что къ статсъ-секретарю поступаютъ всѣ дѣла, „кои по кореннымъ законамъ и основнымъ постановленіямъ онаго края подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію Высочайшей власти“; но подъ кореннными законами здѣсь могутъ подразумѣваться только форма пр. 1772 года и акты 1789 года, такъ какъ другихъ законовъ, касавшихся этого предмета, не существовало; между тѣмъ въ русскомъ текстѣ слова „основные“ и „коренные“ тутъ употреблены рядомъ. Даніельсонъ с. стр. 183/184.

Тотъ же авторъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ въ томъ же родѣ. Въ манифестѣ, изданномъ при восшествіи на престолъ Императора Александра III, 14 марта 1881 года, слова „коренные

страннымъ, что авторъ не можетъ отрицать того, что императоръ въ своей упомянутой уже французской рѣчи 28 марта употребилъ именно выраженіе „lois fondamentales“. Ординъ и его единомышленники не могли ничего отвѣтить когда ихъ спрашивали на какомъ основаніи можно назвать „кореннымъ“ закономъ шведское уложеніе 1734 года, которое, какъ извѣстно, на ряду съ датскимъ и норвежскимъ уложеніемъ короля Христіана V, въ свое время пользовалось широкою юридическою извѣстностью въ Европѣ, и почему это уложеніе должно имѣть характеръ, болѣе „originaire“ или „primitive“ чѣмъ форма правленія 1772 года, которая только на 38 лѣтъ моложе, и, наконецъ, почему право владѣть землею и свобода отъ рабства скорѣе относятся къ области „коренныхъ“ законовъ, нежели право на представительство въ риксдагахъ и на участіе въ законодательствѣ, которымъ Финляндія пользовалась уже въ половинѣ 14:го столѣтія.

При разсмотрѣніи затѣмъ самаго удостовѣренія, которое съ незначительными лишь измѣненіями повторялось всѣми послѣдовавшими императорами при восшествіи ихъ на престолъ, всякій долженъ убѣдиться въ томъ, что императоръ обѣщалъ всѣмъ жителямъ Финляндіи, „отъ мала до велика“, полное сохраненіе ихъ религіи и основныхъ законовъ, а также правъ и преимуществъ, которыми каждый изъ нихъ пользовался по дѣйствовавшимъ установленіямъ, и что императоръ, другими словами, вновь повторяя свою неоднократно выраженную волю сохранить Финляндію навсегда какъ не-

---

законы“ наконецъ замѣнены словами „основные законы“, такъ что этимъ были устранены всякія недоразумѣнія въ семъ отношеніи и вполнѣ установлено тождество означенныхъ словъ.

раздѣльную часть россійскаго государства, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечилъ странѣ, во внутреннемъ отношеніи, *особую конституціонную жизнь и политическое существованіе, чѣмъ сдѣлалъ ее государствомъ*. Только тогда становятся вполнѣ понятными и естественными слова его, когда говоритъ, что „это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи", какъ и слова высказанныя при закрытіи сейма, что финскій народъ „отнынѣ занимаетъ мѣсто въ чредѣ народовъ". Этимъ также объясняется, какъ уже раньше было сказано, почему боргоскій сеймъ былъ обставленъ съ такою большою торжественностью и почему положительно было предписано, чтобы манифестъ былъ прочтенъ и вывѣшенъ во всѣхъ церквахъ страны. Въ этомъ смыслѣ слова императора также были поняты не только земскими чинами Финляндіи, — изъ которыхъ крестянское сословіе, какъ уже упомянуто, особо благодарило за всемилостивѣйшее обѣщаніе сохранить конституцію страны, принося въ виду этого присягу на вѣрность и вѣрноподданство, но и самимъ императоромъ, какъ это доказывается многими, изданными впослѣдствіи объявленіями,[1]) а въ числѣ прочихъ также — когда уже давно

[1]) Изъ числа таковыхъ назовемъ, напримѣръ, слѣдующія: Введеніе къ регламенту финляндскаго совѣта отъ 15 августа 1809 года: Il importait au bien être de l'Etat que les administrations provinciales eussent un point central, un tribunal suprême qui pût les diriger". (Благосостояніе края сего требовало, чтобы правительственныя мѣста провинцій сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, или въ верховномъ судилищѣ, которое могло бы ими управлять.) — Приведенный уже раньше манифестъ 27 марта 1810 года, о военномъ устройствѣ Финляндіи, который мы для общей связи здѣсь приводимъ еще разъ: „Du moment que la Providence nous a remis le sort de la Finlande, Nous resolûmes de gouverner ce pays comme une *nation libre* et jouissant des droits, que *sa constitution* lui garantit.

улеглись чувства восторга по поводу боргоскаго сейма — извѣстнымъ введеніемъ къ манифесту отъ 21 февраля

Le maintien de la Religion et des lois, la réunion de la Diète, la formation du conseil de régence au sein de la nation, la conservation intacte de l'ordre judiciaire et administratif en sont des preuves qui doivent assurer à la nation Finnoise les droits de son existance politique." (Съ тѣхъ поръ, какъ Провидѣніе вручило намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшились управлять этою страною, какъ свободнымъ народомъ, пользующимся правами, обезпеченными за нимъ его конституціею. Сохраненіе религіи и законовъ, созваніе сейма, учрежденіе правительствующаго совѣта среди націи, неприкосновенность судебнаго и административнаго порядка, суть доказательства, которыя должны обезпечить за финскимъ народомъ права политическаго существованія). — Въ инструкціи учрежденной въ С. Петербургѣ комиссіи финляндскихъ дѣлъ, существовавшей въ годахъ 1811—1826 и затѣмъ 1857—1891, въ составѣ пяти членовъ, и служившей собственно совѣтомъ для Монарха по дѣламъ, непосредственно рѣшаемымъ имъ въ Петербургѣ, сказано въ § 1: „Комиссія учреждается къ разсмотрѣнію и пріуготовленію дѣлъ, кои по *коренным законамъ* сей страны и по учрежденію правительствующаго совѣта, принадлежатъ къ непосредственному рѣшенію Верховной власти". Здѣсь употребляются слова „коренные законы" и даже самъ Ординъ долженъ бы признать, что тутъ имѣются въ виду основные законы и что было бы безсмысленно перевести ихъ словами „lois primitives" или „rotlagar". — Въ этой связи можно еще привести слѣдующія слова изъ вышеупомянутаго манифеста 1816 года: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только *торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи* — — —". Послѣ повелѣнія касательно переименованія Совѣта, государь прибавляетъ: „безъ отмѣны однакожъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ", и въ заключеніе обѣщаетъ „избирать впредь въ члены сего Финляндскаго Сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ токмо коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ".

1816 года, которымъ правительствующій совѣтъ въ г. Або былъ переименованъ въ Императорскій Финляндскій Сенатъ и въ которомъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія достопамятныя слова: „Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно *утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ.*“ Слова эти сохранены преданіемъ и удержались въ памяти финскаго народа до самаго послѣдняго времени, и смыслъ ихъ, казалось бы, долженъ быть яснымъ каждому, какъ русскому такъ такъ и финляндцу, ученому и неученому.

Только въ исходѣ столѣтія, какъ выше уже сказано, забили тревогу и если и не рѣшаются болѣе, какъ въ началѣ движенія, придавать такаго положительнаго значенія открытымъ будто бы Ординымъ подлогамъ въ текстѣ или, правильнѣе говоря, въ переводахъ манифеста, то противники финляндской самостоятельности все же выставляютъ цѣлый рядъ другихъ доводовъ.

Сколько бы въ манифестѣ, замѣчаютъ при этомъ, ни говорилось объ „основныхъ“ законахъ, но все-же съ другой стороны несомнѣнно, что въ немъ не упоминались ни форма правленія 1772 года, ни актъ соединенія и безопасности 1789 года, и это произошло вовсе не по случайности или непростительной-бы забывчивости, а просто потому, что Императоръ Александръ I ничего знать не хотѣлъ объ этихъ актахъ,[1]) которые къ тому

[1]) Хотя Даніельсонъ въ своемъ сочиненіи 1890 года и затѣмъ 1893 года уже доказалъ, что это мнѣніе основано на полномъ не-

же по своему содержанію были совершенно непримѣнимы при положеніи дѣлъ, возникшемъ вслѣдствіе присоединенія Финляндіи къ Россіи. Тогда, между прочимъ, недоставало центральныхъ правительственныхъ учрежденій, на которыя такъ часто ссылаются означенные акты, не говоря о томъ, что всѣ опредѣленія, касающіяся личности монарха, престолонаслѣдія, временнаго правительства, религіи монарха и выѣзда его изъ Финляндіи, представлялись совершенно неподходящими.

На это, однако, можно возразить, что если какой-либо, законъ, вслѣдствіе чисто фактическихъ обстоятельствъ, и слѣдается отчасти непримѣнимымъ, то самый законъ вовсе не можетъ считаться цѣликомъ отмѣненнымъ, но слѣдуетъ руководствоваться имъ, на сколько это возможно при существующихъ условіяхъ. Какъ государь такъ и совѣтники его отлично понимали, что необходимо было многое упорядочить и исправить, прежде чѣмъ упомянутые основные законы могли примѣняться въ полномъ объемѣ. Съ этою цѣлью и принимались подготовительныя мѣры, между прочимъ, передачею сейму важнаго законопроекта о правительствующемъ совѣтѣ, которымъ должна была быть удовлетворена самая первая потребность, не говоря о прочихъ предложеніяхъ, которыя должны были пополнить пробѣлы въ другихъ отношеніяхъ. Именно подъ этимъ общимъ впечатлѣніемъ неподготовности и было рѣшено, вмѣсто

доразумѣніи дѣла, тѣмъ не менѣе Еленевъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ 1895 года не могъ удержаться отъ пережевыванія разсказа о мнимомъ гнѣвѣ Императора, когда Маннергеймъ въ его присутствіи на вопросъ Сперанскаго прямо указалъ на законы 1772 и 1789 годовъ. — Этимъ однако вовсе не подтверждаются соображенія Еленева по этому предмету.

подробнаго перечисленія сказанныхъ основныхъ законовъ, съ указаніемъ времени ихъ изданія и параграфовъ, и съ добавленіемъ многочисленныхъ изъятій и оговорокъ, лишь въ общихъ выраженіяхъ указать на основные законы страны, предоставляя позднѣйшему законодательству и практикѣ согласовать примѣненіе частныхъ постановленій съ мѣняющимися требованіями времени. И, какъ сказано въ отзывѣ земскихъ чиновъ на Высочайшее предложеніе по вопросу о воинской повинности, отъ 27 мая 1899 года, на основаніи 90-ти-лѣтняго опыта: „Къ тому же приведенное обстоятельство не вызывало никакихъ затрудненій въ отношеніи примѣненія на практикѣ сказаннаго основнаго закона.“ Впрочемъ, какъ въ этомъ такъ и въ другихъ случаяхъ, когда въ официальныхъ объявленіяхъ того времени встрѣчаются ссылки на „основные законы“ края, было бы трудно сказать, какіе именно законы имѣлись-бы въ виду, если не форма правленія 1772 года и актъ соединенія и безопасности 1789 года.

Какимъ образомъ, спрашиваютъ далѣе, Финляндія, которая во время соединенія съ Швеціею была просто шведскою провинціею, при соединеніи съ завоевавшею ее Россіею могла обратиться во что нибудь другое чѣмъ была раньше, а тѣмъ болѣе въ настоящее государство? Но во время шведскаго владычества Финляндія была интегрирующею и равноправною частью государства, участвовавшею въ избраніи короля и въ народномъ представительствѣ, а вовсе не подвластною областью, принимавшей какъ королей такъ и законы отъ метрополіи, какими были шведскія прибалтійскія провинціи и германскія области, завоеванныя во время тридцатилѣтней войны. Каково было бы положеніе Финляндіи

если бы оно какъ при обычномъ завоеваніи, было опредѣлено Фридрихсгамскимъ мирнымъ договоромъ, — это особый вопросъ, который сюда не относится; здѣсь-же мы рабираемъ положеніе Финляндіи на основаніи Боргоскихъ актовъ, и потому нельзя ничего доказывать постановкою подобныхъ общихъ постулатовъ, оторванныхъ отъ связи ихъ съ состоявшимися въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соглашеніями. Впрочемъ трудно понять какія могли бы быть юридическія препятствія къ тому, чтобы область, находившаяся раньше въ соединеніи съ другимъ государствомъ, при отдѣленіи отъ него и вступленіи въ новое соединеніе, достигала болѣе свободнаго и самостоятельнаго положенія, чѣмъ какое занимала раньше.

Ординъ и его единомышленники постоянно повторяютъ, что императоръ вообще не былъ знакомъ съ шведско-финскими правовыми положеніями и потому не зналъ или не понималъ значенія принятыхъ имъ на себя въ Борго обязательствъ. Эти господа очевидно забываютъ, что императоръ въ то время былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и что онъ отъ приводы былъ одаренъ здравымъ умомъ, получилъ хорошее воспитаніе подъ руководствомъ извѣстнаго швейцарскаго ученаго Лагарпа, и имѣлъ случай изучать различныя условія быта, а также узнавать людей. Въ числѣ окружавшихъ его лицъ находились Спренгтпортенъ и Сперанскій, оба хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, и изъ которыхъ первый неоднократно обстоятельно и лояльно высказывался о положеніи Финляндіи; къ тому же, какъ уже раньше было упомянуто, по требованію графа Салтыкова, государю были представлены записки Маннергейма, Бука и Ребиндера, которыя, судя по сообщенному Да-

ніельсономъ содержанію ихъ, были вполнѣ ясны и обстоятельны.

Всякія утвержденія о незнакомствѣ съ дѣломъ поэтому могутъ быть оставлены безъ вниманія, какъ взятыя съ воздуха и лишенныя всякаго основанія, но тѣмъ не менѣе досадно, какъ говоритъ Даніельсонъ, когда увѣряютъ, что всѣ Боргоскія событія были пустою комедіею и что торжественныя обѣщанія и увѣренія императора были не болѣе какъ красивыя, безъ значенія фразы, которыми онъ, въ погонѣ за популярностью, краткое время обманывалъ самаго себя и другихъ.

Возражая противъ этихъ инсинуацій, недостойныхъ памяти императора, Даніельсонъ совершенно основательно указываетъ на полную невѣроятность того, чтобы человѣкъ въ высокомъ положеніи Императора Александра, исключительно для снисканія дешевой популярности, унизилъ себя до того, что-бы грубою ложью и обманными замыслями провести своихъ довѣрчивыхъ подданныхъ, съ нимъ договаривающихся, повторяя, какъ изъ вышеизложеннаго явствуетъ, неоднократно тотъ-же пріемъ. Кромѣ того названный авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя *болѣе частныя изрѣченія* государя, которыя не были расчитаны для публичности и при которыхъ поэтому онъ не имѣлъ повода маскироваться. Въ числѣ такихъ изрѣченій авторъ сперва приводитъ рескриптъ Императора Александра, отъ 16 апрѣля 1810 года, къ барону, впослѣдствіи графу Аминову, тогда генералъ-маіору и предводителю финскихъ офицеровъ, представившихъ благодарственный адресъ государю за заботы его о содержаніи и служебномъ положеніи ихъ. Въ этомъ рескриптѣ сказано между прочимъ: „Mon but est rempli dès le moment, qu'ils (les sujets) reconnaissent

le motif que me fait agir; c'est de voir se consolider *l'existence politique* de la nation Finnoise."[1])

Но еще яснѣе истинныя намѣренія государя проявились въ секретномъ рескриптѣ отъ 26 сентября 1810 года[2]) финляндскому генералъ-губернатору, графу Штейнгейлю.[3]) „Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи", пишетъ императоръ", состояло въ томъ, чтобъ дать народу сему *бытіе политическое*, чтобъ онъ считался не *порабощеннымъ Россіи*, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами"; для сего:

1) Сохранены ему не только *гражданскіе но и политическіе* его законы;

2) Самое управленіе ввѣрено подъ надзоромъ вашимъ Финляндскому совѣту;

3) Сложено множество податей;

4) Распущено земское войско;

5) Дворянству и чиновникамъ сего войска доставлены такія выгоды, коихъ Швеція никогда, ни въ какомъ предположеніи доставить имъ не могла, и

6) съ купечества снята монополія или обязанность торговать предпочтительно съ Швеціею."

Въ этомъ интересномъ документѣ, который напечатанъ въ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извле-

---

[1]) „Цѣль моя достигнута съ того момента, когда они (подданные) признаютъ мотивы моихъ дѣйствій: видѣть политическое существованіе финской націи упроченнымъ".

[2]) Сообщенный цѣликомъ порусски, съ шведскимъ переводомъ, въ сочиненіи Даніельсона „Внутренняя самостоятельность Финляндіи" стр. 62–65. Рескриптъ былъ вызванъ избраніемъ маршала Бернадота наслѣдникомъ шведскаго престола. — Онъ упоминается также въ отзывѣ Земскихъ Чиновъ отъ 27 мая 1899 года, стр. 113.

[3]) Графъ Фабіанъ Штейнгейль былъ назначенъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ послѣ преемника Спренгтпортена, генерала Барклай де Толли, и оставался на этомъ посту до 1824 года.

ченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, III стр. 298—302, государь, какъ видно, не только положительно отказывается отъ правъ завоеванія, ясно и рѣшительно давая понять, что отношенія Финляндіи къ Россіи были опредѣлены не Фридрихсгамскимъ трактатомъ, а Боргоскими актами, но также прямо признаетъ, что желалъ обезпечить *политическое существованіе* финляндцевъ и сохранить столько же *политическіе* сколько и *гражданскіе ихъ законы.* Не предчувствовалъ ли императоръ, хочется спросить, какія возраженія со временемъ будутъ сдѣланы противъ созданія его, и не хотѣлъ ли онъ заранѣе опровергнуть ихъ?

Въ связи съ этимъ можно еще, хотя это и не требовалось бы, указать на постановленіе отъ 12 января 1812 года, о присоединеніи Выборгской губерніи (такъ называемой русской или старой Финляндіи) къ остальной Финляндіи. Въ черновикѣ этого постановленія встрѣчается слѣдующее мѣсто, собственноручно на французекомъ языкѣ внесенное Императоромъ Александромъ: „L'ordre de la *représentation nationale à la Diète des Etats* du grand duché est établi dans le gouvernement de Wibourg conformément aux principes generaux de la *Constitution du pays*“,[1]) и ниже императоръ въ томъ же черновикѣ также собственноручно перечеркнулъ выраженіе „le grand duché de Finlande était *incorporé* à Notre empire.“

Но есть другіе авторы, въ томъ числѣ даже

[1]) Порядокъ представительства всѣхъ сословій на сеймѣ Государственныхъ Чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ основаніяхъ, въ Конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ.

Сенаторъ Таганцевъ, которые, хотя и не рѣшаются повторять позорящія возвышенное имя и честь Императора Александра I инсинуаціи, что всѣ обѣщанія и взыванія къ Всевышнему, какъ въ Борго такъ и позднѣе, были только звучныя и пустыя слова, все-же увѣряютъ, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть связанъ данными обѣщаніями, какъ бы искренни они ни были въ данный моментъ, если онъ впослѣдствіи открылъ истину и понялъ, что эти обѣщанія противорѣчили прочимъ обязанностямъ его въ качествѣ самодержца всероссійскаго.

Нѣтъ надобности доказывать ошибочность, такаго мнѣнія. Добровольно данное обѣщаніе должно имѣть такую же, если не болѣе обязательнчю силу, какъ обѣщаніе вынужденное обстоятельствами; также для монарха, какъ бы самодержавенъ онъ ни былъ, слово должно быть закономъ. Уже Робертъ Моль, въ свое время, признавалъ совершенною безсмыслицею, еслибы кто нибудь сталъ утверждать, что дарованная или добровольно установленная монархомъ конституція по его же усмотрѣнію можетъ быть упразднена или измѣнена.

Также неправильно судятъ названный авторъ и другіе единомышленники его, когда они въ томъ фактѣ, что сеймъ болѣе не былъ созванъ въ теченіе слишкомъ четверти столѣтія, видятъ какъ бы отреченіе Императора Александра I и брата, преемника его на престолѣ, Императора Николая I, отъ принятыхъ въ Борго обязательствъ, или когда они стараются этимъ доказать, что законы о сеймахъ, оставаясь безъ примѣненія, тѣмъ самымъ былъ отмѣненъ.

Это послѣднее утвержденіе лучше всего опровергается слѣдующимъ аргументомъ, приведеннымъ въ

упомянутомъ уже отзывѣ Земскихъ Чиновъ отъ 27 мая 1899 года.

„Тотъ фактъ, что въ промежутокъ времени 1809—1863 годовъ Земскіе Чины не созывались, отнюдь не служитъ доказательствомъ противъ дѣйствительности формы правленія (1772 и 1789 годовъ), такъ какъ, согласно послѣдней, созывъ земскихъ чиновъ зависѣлъ, до изданія сеймоваго устава 1869 года (о которомъ будетъ рѣчь впереди), отъ *усмотрѣнія* монарха. Дѣйствительность формы правленія не опровергается и тѣмъ, что законоположенія по разнымъ предметамъ издавались монархомъ, независимо отъ сейма. Такъ за монархомъ признавалось право въ нѣкоторыхъ областяхъ законодательства (обнимающихъ собственно, по выраженію, принятому въ юридическомъ слогѣ Швеціи — Финляндіи, дѣла административныя и хозяйственныя) издавать постановленія безъ участія земскихъ чиновъ. Въ законѣ, правда, не имѣется положительныхъ указаній по данному предмету, но таковымъ правомъ пользовались монархи въ теченіе многихъ столѣтій, а потому оно пріобрѣло силу давности и, какъ свидѣтельствуетъ исторія риксдаговъ, признавалось также земскими чинами. Но вслѣдствіе отсутствія точныхъ указаній объ этомъ — какъ это въ послѣднее время признавалось и въ Швеціи — представлялось затруднительнымъ опредѣлить предѣлы означеннаго права, почему оно въ разныя времена и получило не вполнѣ одинаковое примѣненіе.

„Если даже пользованіе этимъ правомъ, какъ до 1809 года такъ и послѣ того, въ Швеціи и въ Финляндіи иногда и выходило изъ предѣловъ, которые впослѣдствіи оказались неоспоримыми, то въ этомъ обстоятельствѣ, примѣры которому встрѣчались и въ другихъ

странахъ кромѣ Швеціи и Финляндіи, нельзя усмотрѣть отрицанія основнаго положенія о правѣ земскихъ чиновъ участвовать въ законодательствѣ. На основаніи именно этого права и были изданы подобныя узаконенія въ Финляндіи въ промежутокъ времени отъ 1809 до 1863 года. Также послѣ 1863 года подобныя же постановленія неоднократно издавались, наряду съ законами, изданными при участіи сейма. Сказаннымъ также объясняется, какимъ образомъ лица, незнамомыя съ финляндскимъ законодательствомъ, могутъ притти къ мысли, что основные законы при этомъ не были уважены, тогда какъ на самомъ дѣлѣ общіе законы во многихъ случаяхъ лишь опредѣляютъ извѣстные общіе принципы, предоставляя административному законодательству установлять подробныя правила по тѣмъ же предметамъ".

Что вообще касается образа дѣйствія обоихъ императоровъ, то не имѣется никакого основанія предполагать, чтобы они, — Императоръ Александръ I на перекоръ всему раньше выказанному имъ на словахъ, въ письмѣ и въ дѣлѣ, — не созывая болѣе сейма, хотѣли этимъ показать, что уже не считаютъ себя связанными конституціею края, въ особенности если принять во вниманіе, что оба Императора, напротивъ того, во многихъ случаяхъ, когда встрѣчался поводъ къ этому, рѣшительно какъ бы остерегались подобнаго толкованія образа дѣйстяія ихъ. Достаточно привести нѣсколько примѣровъ для каждаго особо.

Въ 1817 году служившій въ финляндской шкерной флотиліи матросъ магометанскаго вѣроисповѣданія ходатайствовалъ о разрѣшеніи вступить въ бракъ съ финляндскою лютеранкою. Императоръ Александръ желалъ разрѣшить бракъ съ условіемъ, чтобы дѣти отъ этого

брака воспитывались въ евангелической вѣрѣ; однако Абоская духовная консисторія, отъ которой было потребовано заключеніе по сему дѣлу, нашла, что разрѣшеніе не могло быть дано, но если бы императоръ, какъ сказано у Даніельсона, тѣмъ не менѣе призналъ-бы за благо разрѣшить этотъ бракъ, то отмѣна существующаго запрещенія являетя законодательнымъ вопросомъ, т. е. вопросомъ, по которому требуется согласіе земскихъ чиновъ. Вслѣдствіе этого консисторія ходатайствовала, чтобы императоръ соизволилъ рѣшеніе этого дѣла, *по примѣру многихъ другихъ дѣлъ*, отложить впредь до передачи его для разсмотрѣнія на сеймѣ.[1]) 18:го марта статсъ-секретарь Финляндіи сообщилъ, что „Его Императорское Величество, во вниманіе къ заключенію и ходатайству Абоской духовной консисторіи, призналъ за благо *отложить рѣшеніе дѣла до слѣдующаго сейма*“.

Второй примѣръ касается вопроса о воинскомъ постоѣ, относительно устройства котораго возникло разногласіе между генералъ-губернаторомъ и комитетемъ финляндскихъ дѣлъ въ С. Петербургѣ. Въ своемъ заключеніи комитетъ указывалъ, что многіе пункты въ проектѣ генералъ-губернатора не согласуются съ дѣйствующими законами или нарушаютъ привилегіи разныхъ классовъ общества, установленныя конституціею. Императоръ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ комитета, собственноручно начертавъ на §: 2 проекта, въ которомъ перечислялись изъятые отъ постоя классы, что изъятія эти остаются въ силѣ впредь до времени и до тѣхъ

---

[1]) Даніельсонъ: „Внутренняя самостоятельность Финляндіи“, стр. 71—73.

поръ, „пока Нами, *по соглашенію съ земскими чинами*, не будетъ постановлено иначе.

Недолго спустя послѣ восшесткія своего на престолъ[1]) Императоръ Николай I издалъ манифестъ отъ 21 апрѣля 1826 года,[2]) въ которомъ онъ, указавъ на то, что, за нѣкоторыми особо упомянутыми исключеніями, совѣсть не позволяетъ ему утверждать смертные приговоры, хотя бы сообразные съ законами, говоритъ слѣдующее: „По симъ уваженіямъ и какъ обстоятельства и время нынѣ не позволяютъ *предоставить на разсужденіе сеймовыхъ чиновъ* предположеніе объ отмѣнѣ общаго закона въ вышеизъясненномъ отношеніи, Мы положили во всѣхъ прочихъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ пользоваться присвоеннымъ Намъ, *по кореннымъ законамъ*, (употреблено „коренные“ по отношенію къ формѣ правленія 1772 года) *правомъ помилованія*, для избавленія преступниковъ отъ смертной казни“.

И въ слѣдующемъ году, разрѣшивъ манифестомъ отъ 14 августа 1827 года лицамъ грекороссійскаго исповѣданія (значительная часть населенія прежней русской Финляндіи принадлежала къ этому вѣроисповѣданію), получившимъ право гражданства въ Финляндіи, поступать тамъ на гражданскую и военную государственную службу, онъ также объявилъ, что „обстоятельства и попеченія Наши по прочимъ частямъ правленія не дозволяютъ *Намъ нынѣ созвать земскихъ чиновъ Финляндіи*“, причемъ императоръ совершенно основательно указывалъ, что это постановленіе должно было соединить и сблизить подданныхъ, пользующихся отеческими

---

[1]) 2 декабря 1825 года.

[2]) В. Головинъ l. c. стр. 46—27.

его попеченіями и состоящихъ подъ покровительствомъ и защитою одного и того же государства.[1])

Когда, наконецъ, считаютъ возможнымъ утверждать, что Боргоскій сеймъ былъ только совѣщательнымъ собраніемъ, а не риксдагомъ въ предусмотрѣнномъ формою правленія смыслѣ, то и это объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. „Происходя отъ совѣщательнаго сообранія — сказано въ отзывѣ земскихъ чиновъ[2]) — т. е. отъ прежняго государственнаго совѣта, усиленнаго другими элементами, по назначенію короля, риксдагъ только впослѣдствіи постепенно пріобрѣлъ право осуществлять власть народа по дѣламъ, которыя прежде рѣшались самымъ населеніемъ въ народныхъ собраніяхъ, такъ называемыхъ земскихъ соборахъ. Послѣдствіемъ этого происхожденія риксдага было, что риксдагъ, и по обращеніи его въ настоящее народное представительство, подавалъ заключенія также по такимъ вопросамъ, которые рѣшались единоличною властью короля, но этимъ нисколько не умалялся присущій риксдагу характеръ народнаго представительства, согласіе котораго обязательно при изданіи законовъ и установленіи налоговъ. — Если, слѣдовательно, Боргоскому сейму, въ такое время когда не имѣлось повода къ измѣненію существующихъ законовъ, не было передано къ принятію ни одного законопроекта, то въ этомъ вовсе не заключается доказательство, чтобы означенный сеймъ не имѣлъ одинаковый характеръ, какъ и шведскіе риксдаги.[3])

---

[1]) Бергъ: l. c. стр. 72. Закономъ отъ 11 ноября 1889 года доступъ на государственную службу открытъ лицамъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

[2]) Стр. 117—118.

[3]) Сказаннымъ имѣется главнымъ образомъ въ виду Еленевъ,

Этимъ опровергнуты, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая и самая важная часть возраженій противъ изложеннаго въ предыдущемъ взгляда на значеніе Боргоскихъ актовъ, и въ результатѣ получается подтержденіе крылатыхъ словъ Сперанскаго: „Финляндія есть государство, а не губернія.“ Эта истина даже выражена въ изданномъ въ царствованіи Императора Николая I (въ 1826 году) сводѣ основныхъ законовъ Россійкой Имперіи, гдѣ сказано, въ ст. IV тома I: „съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльные суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“, и также подверждается титуломъ, употреблявшимся русскими монархами съ 1809 года до нашихъ дней въ обращеніяхъ къ народу. Польша утратила свое положеніе какъ государство вслѣдствіе двухъ кровавыхъ возстаній противъ имперіи, но Финляндія оставалась неизмѣнно вѣрною монарху и тому государству, составною частью котораго она сдѣлалась, а по-

---

который старается извлечь доказательство въ пользу своего мнѣнія изъ слѣдующихъ словъ Императора Александра въ рѣчи при закрытіи сейма: „*les avis* que vous venez d'émettre . . . je les prendrai en consideration“ (Мнѣнія, которыя вы теперь изложили . . . . . Я приму въ соображеніе). — а не „les decisions“. Но, какъ замѣчаетъ Фишеръ (l. c. стр. 61), русскимъ авторамъ трудно понять конституціонную систему. — „Нижняя палата въ Англіи, конечно, сильная корпорація, но она не имѣетъ права издавать законы собственною властью. Всякій законъ въ Англіи издается Ея Величествомъ, Британскою Королевою, съ совѣта и согласія — „advice“, что совершенно тождественно съ „avis“ — лордовъ и нижней палаты. Употребленное въ Финляндіи 90 лѣтъ тому назадъ, это слово до сихъ поръ употребляется въ конституціонной Англіи“. И на этомъ разумные люди строятъ доказательства! — впрочемъ тѣмъ болѣе нелѣпыя, что императоръ ни въ одномъ пунктѣ не уклонился отъ предположеній Боргоскаго сейма. Все это въ дѣйствительности только теорія — и теорія безъ всякаго содержанія.

тому положеніе ея въ государствѣ не только не измѣнилось, но напротивъ, какъ показано будетъ въ слѣдующей главѣ, конституціонный строй и внутренняя самостоятельность ея въ царствованіе двухъ слѣдующихъ императоровъ даже получило существенное и важное развитіе.

Даже въ заключенныхъ русскими министрами иностранныхъ дѣлъ и посольствами государственныхъ актахъ принималось въ соображеніе особое государственно-правовое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской державы. Германсонъ[1]) приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, какъ изъ царствованія Императора Николая I такъ и его преемниковъ, вплоть до 1884 года, въ доказательство того, что Россія и Финляндія, русскіе и финляндцы въ трактатахъ упоминаются хотя и нераздѣльно, но по отношенію къ условіямъ договоровъ, каждая особо, и въ честь русскихъ юристовъ нужно сказать, что между ними есть не малое число, даже изъ самыхъ извѣстныхъ, которые прямо признаютъ, что Финляндія естъ государство.[2])

Правовое положеніе Финляндіи какъ государство будетъ подробнѣе разсмотрѣно въ слѣдущемъ изложеніи.

---

[1]) l. c. стр. 107 и слѣд. См. также прил. I къ отзыву Земскихъ Чиновъ 1899 года стр. 41—43.

[2]) Въ числѣ ихъ Германсонъ называетъ проф. Сергѣевича („Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права"), профессоровъ Чичерина, Романовича-Славатинскаго и Градовскаго.

ГЛАВА VI.

Финляндія въ царствованіе Императоровъ Александра II и Александра III.

Раннею весною 1855 года Императоръ Александръ II принялъ царствованіе послѣ отца своего и 3 марта издалъ такое же удостовѣреніе финляндскимъ своимъ подданнымъ, какъ и отецъ его. Въ томъ же году князъ Меньшиковъ, занявшій въ 1831 году мѣсто генерала Закревскаго, былъ замѣненъ въ должности генералъ-губернатора графомъ Бергомъ. Вскорѣ послѣ этого упраздненный въ 1825 году комитетъ финляндскихъ дѣлъ въ С. Петербургѣ былъ вновь учрежденъ, манифестомъ 8 апрѣля 1857 года, въ которомъ императоръ, между прочимъ, выражаетъ свое желаніе чтобы всѣ финляндскіе его подданные ненарушимо пользовались правами и преимуществами имъ принадлежащими по кореннымъ законамъ края и особымъ установленіямъ. Въ 1859 году финляндскому сенату, который по случаю своего 50-ти-лѣтняго юбилея удостоился самыхъ милостивыхъ выраженій признательности императора, было повелѣно представить свѣденія о тѣхъ вопросахъ, которые прежде всего требуютъ рѣшенія при участіи земскихъ чиновъ. — Подробный перечень такимъ вопросамъ былъ представленъ въ 1861 году, и вскорѣ послѣ этого воспослѣдовалъ манифестъ (10 апрѣля 1861 года), въ которомъ императоръ, выразивъ сожалѣніе, что „другіе болѣе важные государственные интересы, попеченіе о которыхъ Провидѣніе возложило на Насъ какъ самый священнѣйшій долгъ, не позволяютъ Намъ въ настоящее время восполь-

зоваться симъ правомъ (созвать сеймъ), основными законами Финляндіи Намъ предоставленнымъ", повелѣваетъ избрать комиссію отъ всѣхъ четырехъ сословій края, для разсмотрѣнія законопроектовъ, „предложенныхъ по повелѣнію Нашему, и для выраженія своего мнѣнія о томъ, какимъ образомъ дѣла эти могутъ быть устроены впредь до того времени, *когда Мы признаемъ возможнымъ созвать государственные чины*". Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ предоставилъ себѣ, по истребованіи отзывовъ сената и генералъ-губернатора, утвердить въ силѣ, *до перваго сейма*, тѣ мнѣнія комиссіи, которыя, по его усмотрѣнію, дѣйствительно будутъ соотвѣтствовать истиннымъ потребностямъ края.[1])

Этотъ манифестъ, который по своему содержанію очень напоминаетъ о депутаціи отъ всѣхъ четырехъ сословій, вызванной императоромъ Александромъ I въ 1808 году въ С. Петербургъ, однако былъ встрѣченъ весьма несочувственно въ Финляндіи и, несмотря на строгія цензурныя мѣры генералъ-губернатора, мѣстная пресса твердо и единодушно высказалась противъ имѣвшагося такимъ образомъ въ виду отступленія отъ законномѣрнаго порядка. Графъ Армфельтъ,[2]) который послѣ смерти Ребиндера съ 1841 года состоялъ финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ, довелъ до свѣдѣнія императора о господствовавшемъ въ Финляндіи настроеніи, и послѣдствіемъ этого явилось увольненіе графа Берга и назначеніе генералъ-губернаторомъ барона Рокасовскаго, а также обѣщаніе государя въ скоромъ времени созвать сеймъ.

---

[1]) Бергъ l. c. стр. 81—82.

[2]) Сынъ извѣстнаго въ началѣ столѣтія, уже упомянутаго, графа Армфельта, занималъ этотъ постъ до 1876 года.

Наконецъ, 18 сентября 1863 года Императоръ Александръ, сопровождаемый многочисленною свитою и тремя своими сыновьями, въ томъ числѣ будущимъ императоромъ Александромъ III, могъ лично открыть сеймъ въ Гельсингфорсѣ, — куда были переведены изъ города Або высшія правительственныя учрежденія (въ 1819 году) и университетъ (въ 1828 году), — произнесеніемъ съ трона французской рѣчи,[1]) въ шведскомъ и финскомъ переводахъ распространенной по всему краю.

Изъ интереснаго вообще содержанія этой рѣчи, принятой финляндцами съ неподдѣльнымъ восторгомъ, въ особенности заслуживаетъ вниманія слѣдующее:

„Новые налоги, предлагаемые Мною сейму, клонятся къ тому, чтобы осуществлять различныя мѣры, предназначенныя къ умноженію благосостоянія края и къ процвѣтанію народнаго образованія. Вамъ предстоитъ *рѣшить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти мѣры настоятельны и въ какихъ размѣрахъ онѣ должны быть осуществлены.*

„Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ *поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ*, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе слѣдующаго сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ *принципъ конституціонной монархіи*, вошед-

[1]) Бергъ l. c. стр. 82 и Даніельсонъ l. c. стр. 185.

шій въ правы финскаго народа и *запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія*, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ *право, принадлежащее уже сейму опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и предлагать проекты законовъ* (это право было отнято у риксдага, актомъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года), *которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время*, причемъ Я, оставляя за собою инициативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона .... Съ моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ. Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній между мною и честнымъ и вѣрнымъ финскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и *послужитъ для меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки.*“ [1])

---

[1]) Les nouvelles contributions, que je fais proposer à la Diète, tendent à réaliser differents mesures, destinées à augmenter le bien être du pays et à faire prospérer l'enseignement du peuple. Cést à vous à décider de l'urgence et de l'étendue de ces mesures.

Plusieurs des stipulations des lois fondamentales du grandduché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Desirant rémédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi, qui contiendra des explications et des supplements à ces stipulations, pour être soumis à l'examen des États lors de la prochaine Diète, que Je pense convoquer dans trois ans. En maintenant le principe monarchique constitutionel, inhérant aux moeurs du peuple Finlandais et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possédent déjà les États quant au reglement de l'assiette des impôts ainsi que le droit de motion, qu'ils ont anciennement possédé. Me réservant toute fois celui de prendre l'ini-

Въ этой рѣчи, какъ видно, не встрѣчается ни малѣйшаго намека на то, чтобы Финляндія была только принадлежащая Имперіи провинція съ нѣкоторыми лишь привилегіями; въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ въ ней говорится о финскомъ народѣ, какъ націи, о государствѣ и странѣ съ самостоятельнымъ строемъ, основаннымъ на конституціонно-монархическихъ принципахъ, и съ сеймомъ, который въ правъ обсуждать предлагаемые правительствомъ законопроекты и самъ предлагать таковые. По моему мнѣнію, можно совершенно согласиться съ Фишеромъ, который говоритъ: (l. c. стр. 84): „эти выраженія вполнѣ достаточны, чтобы поставить конституціонныя права Финляндіи внѣ всякаго сомнѣнія. Предложенія, въ которыхъ принципъ конституціонной монархіи признается и ставится на историческую почву, уже заранѣе даютъ отвѣтъ на аргументъ, что самодержавіе можетъ ограничить самого себя".

Само собою разумѣется, что для сейма, призваннаго къ возобновленной дѣятельности послѣ столь продолжительнаго перерыва, накопилось много матеріала для разработки, и что для всѣхъ сеймовыхъ представителей работа была новая и непривычная. Поэтому нельзя

---

tiative dans toutes les questions, qui touchent au changement de la loi fondamentale.

Aucun de Mes actes n'a pu troubler l'entente qui doit regner entre le Souverain et la nation. Je desire que cette entente continue à être comme par le passé le gage des bons rapports qui m'unissent au brave et loyal peuple Finlandais. Elle contribuera puissament à la prospérité d'un pays bien cher à Mon coeur et Me fournira un nouveau motif pour vous rassembler periodiquement." — Французскій текстъ этой рѣчи, съ офиціальнымъ шведскимъ переводомъ приведенъ цѣликомъ у Даніельсона: Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою, стр. 185—192. Ср. Фишера, l. c. стр. 90—94.

удивляться тому, что сеймъ могъ быть распущенъ только спустя семь мѣсяцевъ послѣ созыва его.

Многіе важные законопроекты, подробное разсмотрѣніе которыхъ, однако, не входитъ въ нашу задачу, были также выработаны на этомъ первомъ возобновленномъ сеймѣ, на которомъ впрочемъ по многимъ вопросамъ уже обнаруживалось разногласіе между двумя національными партіями, шведоманами и финоманами, — разногласіе, которое безъ пользы для страны на нѣкоторое время разъединяло силы, пока угрожавшая общая опасность не соединила ихъ вновь.

Для предварительной разработки важныхъ законопроектовъ, намѣченныхъ въ тронной рѣчи императора, подъ предсѣдательствомъ члена сената и предводителя дворянскаго сословія на сеймѣ, барона Норденстама, была учреждена комиссія, на которую была возложена двойная задача — именно выработать *новую форму правленія*, сводкою и кодификаціею относящихся къ сему опредѣленій основнаго закона, и *новый сеймовый уставъ*, то и другое на основаніи программы, одобренной императоромъ въ декабрѣ 1864 года. Первая часть этой задачи, конечно, была самая трудная и сложная; въ тронной рѣчи при открытіи сейма 1867 года было особо указано, что означенная работа „еще не созрѣла достаточно“; и позже въ царствованіе сего императора официально болѣе ничего не было слышно о занятіяхъ означенной комиссіи.[1]) Вторая же часть данной задачи, касавшаяся періодичности и подробной

[1]) Лишь въ 1885 году комиссія представила свое заключеніе съ мотивированнымъ и подробнымъ законопроектомъ, но къ тому времени перемѣнилось настроеніе въ русскихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и проектъ остался безъ послѣдствій.

организаціи сеймовъ, была успѣшно выполнена комиссіею, такъ что сейму 1867 года могъ быть переданъ одобренный императоромъ, вполнѣ разработанный проектъ. Этотъ законопроектъ былъ окончательно разсмотрѣнъ сеймомъ и въ то же время состоялось упрощеніе порядка производства дѣлъ въ дворянскомъ сословіи, отмѣною раздѣленія его на три разряда, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ порядка голосованія. Менѣе успѣшными оказались попытки установить соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ законодательство о печати. Въ 1867 году въ Финляндію былъ назначенъ новый генералъ-губернаторъ, графъ Адлербергъ, который оказался необыкновенно чувствительнымъ къ газетной критикѣ. Предложенный правительствомъ проектъ закона о печати былъ отклоненъ всѣми четырьмя сословіями и послѣдствіемъ этого, къ сожалѣнію, было то, что надзоръ за печатью и завѣдываніе дѣлами печати остались въ рукахъ генералъ-губернатора, въ качествѣ представителя высшей правительственной власти. Такъ какъ всѣ сдѣланныя впослѣдствіи попытки къ измѣненію сего положенія дѣла не привели ни къ какимъ результатамъ, то пресса по настоящее время фактически находится въ полной зависимости отъ произвола генералъ-губернатора, — каковое обстоятельство вскорѣ повело къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

15 апрѣля 1869 года Императоръ Александръ II утвердилъ сеймовый уставъ Великаго Княжества Финляндскаго и далъ этимъ санкцію закона самому достопримѣчательному акту къ исторіи Финляндіи послѣ Боргоскаго сейма. Изъ содержанія этого устава, къ которому мы еще возвратимся въ слѣдующей главѣ, здѣсь приведемъ только § 71: „изданіе, измѣненіе, объясненіе

или отмѣна основныхъ законовъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію государя императора и великаго князя и съ согласія всѣхъ сословій",[1]) а также § 2, въ которомъ опредѣлено, что земскіе чины Финляндіи, по созыву императора и великаго князя, *по крайней мѣрѣ черезъ каждыя пять лѣтъ* собираются на очередный сеймъ въ столицѣ страны, если только (§ 3), въ виду особенно уважительныхъ причинъ, не будетъ назначено другое мѣсто для засѣданій сейма, причемъ самый сеймовый уставъ по § 83 признанъ „ненарушимымъ основнымъ закономъ для монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи". — Самое же утвержденіе сеймоваго устава изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право *въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21 августа 1772 года и въ актѣ соединенія и безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года* и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и удостовѣряемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ."

Если бы даже возможно было вырвать каждый листъ изъ одновременной исторіи Императора Александра I и Финляндіи, то отъ этогоне было бы никакой пользы, пока остается исторія Александра II, Императора, не стѣснявшагося громко и ясно объявить, что онъ сохраняетъ за собою права, принадлежащія ему не по Фридрихсгамскому мирному договору, а на основаніи *формы*

---

[1]) По прежнему шведско-финскому законодательству не было вполнѣ ясно, могло ли измѣненіе основнаго закона состояться съ согласія трехъ сословій сейма или для этого требовалось согласіе всѣхъ четырехъ сословій. Теперь всякія сомнѣнія были устранены, безъ нарушенія въ остальномъ прежнихъ постановленій.

правленія 1772 года и государственныхъ актовъ 1789 года, и безъ всякихъ колебаній и оговорокъ признавшаго, что законы и установленія Финляндіи покоятся на монархическо-конституціонномъ принципѣ, кругъ дѣйствія котораго онъ не только не желалъ ограничить, а напротивъ намѣревался еще болѣе расширить. Неудивительно поэтому, что населеніе Финляндіи, сохраняя въ благодарной памяти благодѣянія этого монарха, воздвигло ему великолѣпный памятникъ противъ зданія сената въ Гельсингфорсѣ. но также не удивительно, что почти всѣ правительственныя мѣропріятія его въ враждебной Финляндіи части русской прессы возбуждали и постоянно возбуждаютъ прямо противоположныя чувства, потому что этого царскаго созданія не могутъ сокрушить никакія превратныя толкованія.[1])

---

[1]) Тѣмъ не менѣе были сдѣланы многія попытки. Такъ авторъ упомянутой раньше брошюры излагаетъ, что „въ частности § 71 относится къ особымъ финляндскимъ законамъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, но не къ тѣмъ, которые касаются общихъ интересовъ всего государства; нельзя же допустить, чтобы представительное собраніе привилегированной провинціи могло имѣть рѣшающій голосъ по вопросамъ, касающимся всего государства". — Другими словами, право финляндскаго сейма участвовать въ осуществленіи законодательной власти просто отмѣнялось бы, когда поставлены на очередь вопросы, которые также представляютъ интересъ для всего государства. „Но гдѣ во всѣхъ законахъ, издававшихся въ Финляндіи съ 27 марта 1809 года по 15 февраля 1899 года, — спрашиваетъ оппонентъ сказанной брошюры, — можно найти какое нибудь опредѣленіе или указаніе, гдѣ были бы сдѣланы оговорки, которыми право сейма ограничивается въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ признаетъ за благо объявить, что интересы всего государства этого требуютъ? Также въ русскихъ законахъ не встрѣчается подобныхъ оговорокъ, что, впрочемъ, весьма естественно, такъ какъ законодательство имперіи ничего не можетъ постановлять относительно законодательства великаго княжества." Еленевъ еще болѣе откровененъ. „Русскій императоръ, какъ владѣтель и суверенъ Финляндіи,

Еще въ одномъ, въ конституціонномъ отношеніи важномъ правительственномъ актѣ обвиняютъ Императора Александра II, именно въ изданіи *устава о воин-*

не можетъ по отношенію къ этому краю признать себя связаннымъ чужими конституціонными законами, разъ они не сдѣлались конституціонными законами россійскаго государства; къ тому же, заслуживаютъ ли дѣйствительно сохраненія эти въ столь многихъ пунктахъ противорѣчивые законы, которые напоминаютъ весьма смутную эпоху въ исторіи Швеціи . . . . . Финляндія не имѣетъ другихъ привилегій, кромѣ всемилостивѣйше дарованныхъ ей русскими императорами, но права завоевавшаго государства были и суть старше и выше этихъ привилегій. И, наконецъ, имперія или Финляндія, которая изъ нихъ болѣе вправѣ считаться имѣющею основные законы? Навѣрное имперія, потому что она международно признанное государство, тогда какъ Финляндія только провинція. Она, конечно, имѣетъ свои особые законы, одни новые, а другіе „коренные“, но всѣ они должны отступить передъ основными законами имперіи“. Еще можно привести слѣдующія весьма наивныя слова того же автора: „Но народная масса (въ противоположность дворянству, профессорамъ, помѣщикамъ, купцамъ и горожанамъ) въ общемъ неиспорчена („saine“). Эта масса — крестьяне, составляющіе 90 % всего населенія. И по свидѣтельству всѣхъ лицъ, знакомыхъ съ Финляндіею, крестьяне мало заражены („entamés“) шведско-сепаратической пропагандою (!). Надежды ихъ на будущее устремлены къ Россіи или вѣрнѣе къ самодержавному государю. И на самомъ дѣлѣ, не поразительный ли фактъ показываетъ намъ исторія: дѣйствія („actions“) Россіи, поскольку они проявлялись въ теченіе этого столѣтія, всегда были направлены на пользу страждущихъ и обездоленныхъ („deshérités“) классовъ въ подвластныхъ русскимъ монархамъ странахъ“. (Les prétentions des separatistes finlandais стр. 188—195). Но еще абсурднѣе, когда одна русская газета, по свидѣтельству Даніельсона, нѣсколько лѣтъ тому назадъ старалась объяснить дѣйствія государя, обвиняя умершаго въ 1876 году, много потрудившагося на пользу Финляндіи, графа Армфельта въ томъ, что онъ обманомъ побудилъ императора подписать сеймовый уставъ, скрывъ отъ него дѣйствительное содержаніе формы правленія и акта соединенія и безопасности. — Это все повторенія намековъ, сдѣланныхъ противъ совѣтниковъ Императора Александра I, когда онъ далъ удостовѣреніе въ Борго. То-же на другой ладъ, какъ говорится въ старыхъ поваренныхъ книжкахъ.

ской повинности 27 декабря 1878 года, предполагаемому измѣненію котораго суждено играть столь важную роль въ послѣднее время. — Въ виду опыта войны 1870—1871 годовъ, въ Россіи, въ 1873 году, была введена новая система воинской повинности, которую военный министръ графъ Милютинъ, не смотря на опредѣленія формы правленія 1772 года, полагалъ возможнымъ непосредственно ввести въ дѣйствіе также и въ Финляндіи. Между тѣмъ вниманіе императора вскорѣ было обращено на то, что это прямо противорѣчило бы конституціи, и потому въ 1877 году сейму былъ переданъ особый законопроектъ по этому предмету. На сеймѣ всѣми признавалась настоятельная необходимость въ преобразованіи военной системы Финляндіи, такъ какъ составъ войскъ съ теченіемъ времени былъ постепенно сокращенъ до одного гвардейскаго баталіона, расположеннаго въ Гельсингфорсѣ.

Послѣ продолжительныхъ преній, земскіе чины пришли къ соглашенію о введеніи новой военной системы, причемъ остановились на принципѣ общей воинской повинности и согласились значительно увеличить составъ военныхъ силъ, но съ условіемъ, что финляндцы должны служить только въ финскихъ войсковыхъ частяхъ и подъ командою финскихъ же начальниковъ. Для того-же, чтобы по возможности обезпечить финляндцамъ принадлежащія имъ права въ этомъ отношеніи, императоръ соизволилъ на то, что нѣкоторые параграфы новаго закона, числомъ 14, были признаны основными законоположеніями, вслѣдствіе чего для измѣненія ихъ, согласно приведенному § 71 сеймоваго устава, требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій. Все это, конечно, должно было въ сильной степени раздражать военную

русскую партію, которая различными способами выражала свою досаду.

Когда Императоръ Александръ III, послѣ смерти отца своего, павшаго жертвою страшнаго и возмутительнаго злодѣйства, взошелъ на престолъ, онъ не только далъ финляндцамъ такое же удостовѣреніе, какъ всѣ его предшественники, съ указаннымъ раньше незначительнымъ редакціоннымъ измѣненіемъ, но въ то же время высказалъ, въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора что *„утвердивъ установленія,* дарованныя Великому Княжеству Финляндскому блаженныя памяти Императоромъ Александромъ Павловичемъ, и, *съ согласія Земскихъ Чиновъ Финляндіи, развитыя* въ Бозѣ почившимъ возлюбленнымъ Родителемъ Нашимъ, Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, Мы исполнили сіе съ душевнымъ удовольствіемъ, памятуя многочисленныя доказательства неизмѣнной преданности и признательности жителей этого края къ своему Государю и благодѣтелю, которыми они услаждали царствованіе Нашего незабвеннаго Родителя, всегда нѣжно заботившагося о ихъ благѣ.“ Но еще важнѣе для Финляндіи было лойяльное исполненіе императоромъ *обѣщанія отца его о дарованіи сейму права моціи,* которое, манифестомъ отъ 25 іюня 1886 года, изданнымъ съ указаніемъ на установленное основными законами согласіе земскихъ чиновъ, было предоставлено сейму по всѣмъ дѣламъ, требующимъ ихъ содѣйствія, за исключеніемъ однако вопросовъ, касающихся основныхъ законовъ, сухопутной и морской обороны края и дѣлъ печати.

Въ теченіе послѣдовавшихъ лѣтъ многія обстоятельства способствовали отчужденію Императора Александра III отъ финляндскихъ его подданныхъ, по крайней

мѣрѣ въ оффиціальной жизни, хотя онъ по прежнему любилъ съ своимъ семействомъ, безъ придворнаго штата и этикета, ѣздить по шхерамъ и берегамъ Финляндіи. Произошли также разныя перемѣны въ личномъ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ, каковыя перемѣны, съ финляндской точки зрѣнія, не всѣ были одинаково счастливы. Уже въ 1881 году графъ Аблербергъ былъ смѣненъ графомъ Гейденомъ, который считался не совсѣмъ чуждымъ стремленіямъ такъ называемыхъ русскихъ націоналистовъ и который оставался въ должности генералъ-губернатора до 1897 года, уступивъ мѣсто теперь столь извѣстному генералу Бобрикову, прославившемуся своею дѣятельностью въ прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ ревностный и удачный обруситель. Въ 1881 году также былъ уволенъ престарѣлый преемникъ графа Армфельта въ должности министра статсъ-секретаря, баронъ Валленъ, вмѣсто котораго назначенъ былъ генералъ Эрнротъ, смѣненный въ 1891 году генераломъ Денъ. Послѣдній долгое время служилъ въ Россіи и былъ мало знакомъ съ государственно-правовыми порядками Финляндіи, но тѣмъ не менѣе выказалъ себя здравомыслящимъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ. Такъ какъ съ 1891 года и финляндскій комитетъ въ С. Петербургѣ былъ упраздненъ, то въ непосредственной близости императора почти, или вовсе не оставалось истиннаго представителя интересовъ и правъ Финляндіи. Отмѣна уже подписаннаго императоромъ, 19 декабря 1889 года, уголовнаго уложенія, изданнаго наконецъ 14 апрѣля 1894 года, съ разными измѣненіями, послѣ неоднократныхъ сношеній съ сеймомъ;[1]) учрежденіе трехъ комиссій,

[1]) Это явилось послѣдствіемъ вмѣшательства русскаго сенатора Таганцева.

большинство членовъ которыхъ были русскіе, для объединенія почтовой, монетной и таможенной части Россіи и Финляндіи; отказъ въ пріемѣ депутаціи, отправленной по этому случаю земскими чинами къ императору, и, наконецъ, выходъ изъ сената двухъ выдающихся членовъ, сенаторовъ Мехелина и Вейсенберга, вотъ все событія, которыя, какъ легко понять, должны были произвести угнетающее впечатлѣніе не только на сеймъ, но и внѣ сейма. Когда между тѣмъ, при открытіи сейма 1891 года, предсѣдателями всѣхъ четырехъ сословій былъ представленъ рѣшительный и серьезный протестъ, то это побудило императора, 12 марта того же года, въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора, поручить послѣднему передать всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Государя въ Финляндіи, что онъ „расположенъ относиться съ прежнимъ благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованные ему россійскими монархами права и преимущества“, и что въ намѣренія его вовсе не входило измѣнять дѣйствующій въ краѣ порядокъ внутренняго управленія.

Этотъ несомнѣнно благонамѣренный шагъ на нѣкоторое время оказалъ предполагавшееся успокоительное дѣйствіе на умы, но такъ какъ русскіе недоброжелатели стали все болѣе громко предъявлять все большія требованія, и къ тому же цензура постепенно начала такъ давить финляндскую прессу, что запрещенія статей вскорѣ сдѣлались почти каждодневнымъ явленіемъ, то произведенное рескриптомъ успокоительное дѣйствіе продолжалось не долго.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Императоръ Александръ III, въ цвѣтѣ силъ, осенью 1894 года, скончался въ Ливадіи. 6 ноября было дано обычное удосто-

вѣреніе финляндцамъ сыномъ и наслѣдникомъ его, Императоромъ Николаемъ II, о правительственныхъ мѣропріятіяхъ котораго будетъ подробнѣе изложено въ послѣдней главѣ нашего труда.

ГЛАВА VII.

Основныя положенія существующаго государственнаго строя Финляндіи.[1]

Прослѣдивъ въ предыдущихъ главахъ главныя черты историческаго развитія конституціоннаго строя, съ Боргоскаго сейма 1809 года до восшествія на престолъ, въ 1894 году, Императора Николая II, я теперь постараюсь дать возможно краткій и сжатый обзоръ существующаго государственнаго права Финляндіи, раздѣливъ его, для большей наглядности, на отдѣлы съ особыми заглавіями.[2]

---

[1]) Читателю, ознакомившемуся съ настоящимъ вопросомъ, легко замѣтить, что относящіяся къ сему предмету сочиненія Мехелина главнымъ образомъ служили источникомъ.

[2]) Какъ видно изъ предыдущаго, законами и статутами, опредѣляющими государственное устройство Финляндіи, являются:

Форма правленія отъ 21 августа 1772 года и *Актъ соединенія и безопасности* отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года;

Удостовѣреніе отъ 27 марта 1809 года и удостовѣренія послѣдовавшихъ Императоровъ, а также *Манифестъ* отъ 4 апрѣля 1809 года;

Регламентъ Сената отъ 18 августа 1809 года, съ позднѣйшими измѣненіями, въ томъ числѣ *Манифестъ* отъ 21 февраля 1816 года, *Сословныя привилегіи;* и

Сеймовый уставъ отъ 15 апрѣля 1869 года, съ *дополненіемъ* отъ 25 іюня 1886 года.

I. Право на престолъ Финляндіи.

Какъ сказано въ приведенной уже ст. IV тома I свода основныхъ законовъ Россійской Имперіи, „съ Императорскимъ всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго;“ Россійскій императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи сего своего положенія, великій князь Финляндіи, и это соединеніе въ одну державу ненарушимо и неразрывно.

Въ отношеніи Финляндіи, слѣдовательно, не можетъ быть вопроса о какомъ-либо другомъ порядкѣ престолонаслѣдія, чѣмъ какой установленъ или будетъ установленъ для Россіи. То же самое относится къ положеніямъ, установленнымъ относительно религіи монарха, членовъ императорскаго дома, временнаго правленія при несовершеннолѣтіи, болѣзни или отсутствіи императора, а также относительно того, что должно быть соблюдаемо въ случаѣ прекращенія императорскаго рода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Финляндія стоитъ совершенно внѣ всякаго соучастія, и рѣшеніе принадлежитъ одной Россіи и русскимъ законамъ.

II. Права, принадлежащія монарху страны.

Здѣсь необходимо различать права, принадлежащія монарху въ качествѣ россійскаго императора, отъ правъ, принадлежащихъ ему въ качествѣ великаго князя Финляндіи.

1. *Въ качествѣ россійскаго императора*: являясь вообще, въ отношеніи къ иностраннымъ государствамъ представителемъ Финляндіи, какъ части россійскаго государства, монархъ въ правѣ:

объявлять войну и заключать миръ;

входить въ союзы и заключать договоры всякаго рода съ другими государствами;

имѣть главное начальствованіе надъ финскими войсками, составляющими часть военныхъ силъ всей державы, и располагать русскія войска въ крѣпостяхъ и гарнизонахъ Финляндіи.

2. *Въ качествѣ великаго князя Финляндіи* монархъ имѣетъ право, удостовѣривъ, при восшествіи на престолъ, жителямъ сохраненіе привилегій и основныхъ законовъ страны:

А. *въ отношеніи исполнительной власти и администраціи:*

управлять страною[1]) — онъ и никто другой, какъ сказано въ § 2 формы правленія, — согласно основнымъ и общимъ законамъ ея, при содѣйствіи финляндскихъ должностныхъ лицъ и властей, причемъ монархъ, однако, можетъ рѣшеніе дѣлъ, не требующихъ личнаго его разсмотрѣнія, передать низшимъ компетентнымъ должностнымъ лицамъ;

охранять территорію великаго княжества, чтобы отъ нея не была отдѣлена какая-либо часть или провинція, отдачею въ ленное владѣніе или инымъ образомъ;

учреждать новыя должности и издавать для нихъ организаціонныя и регламентарныя правила;

замѣщать должности, какъ гражданскія, такъ и

---

[1]) Гербъ Финляндіи изображаетъ на красномъ полѣ льва, въ стоячемъ положеніи, съ короною на головѣ, держащаго въ правой лапѣ поднятый мечъ. Финляндія не имѣетъ ни военнаго флага, ни флота; торговый же флагъ состоитъ изъ продольныхъ бѣлой, синей и красной полосъ, какъ и русскій флагъ.

военныя, причемъ однако замѣщеніе большинства должностей съ небольшимъ окладомъ содержанія предоставлено подчиненнымъ властямъ;[1])

жаловать дворянское достоинство за храбрость, гражданскія или научныя заслуги, а также возводить дворянъ, за выдающіяся заслуги, въ графское и баронское достоинство;

предоставлять иностраннымъ подданнымъ христіанской вѣры *право гражданства Финляндіи*, разрѣшать иностранцамъ владѣть недвижимою собственностью — каковое разрѣшеніе однако не требуется для русскихъ гражданъ — и увольнять отъ подданства финляндскихъ подданныхъ, выселяющихся изъ Финляндіи;

управлять имуществомъ государства, оберегать права казны и взимать ежегодные доходы съ нихъ;

заботиться объ обнародованіи[2]) *законовъ* и о приведеніи ихъ въ исполненіе;

---

[1]) Для назначенія на правительственную должность требуется знаніе обоихъ мѣстныхъ языковъ, шведскаго и финскаго, христіанское вѣроисповѣданіе и финляндское право гражданства, а также выдержаніе испытанія, когда о томъ особо установлено.

На службу евангелическо-лютеранской церкви и на должности, сопряженныя съ обязанностью преподаванія ученія этой церкви, не могутъ быть назначаемы лица другихъ вѣроученій; равнымъ образомъ воспрещается, безъ особаго разрѣшенія монарха, назначать преподавателями исторіи въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ нелютеранъ.

Императоръ и великій князь непосредственно назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ званіяхъ соотвѣтствующихъ чину подполковника и выше; такія лица могутъ быть имъ же уволены во всякое время, тогда какъ другія должностныя лица, а также судьи, увольняются отъ службы безъ прошенія лишь по опредѣленію суда.

[2]) Всѣ законы и постановленія о налогахъ и пр. обнародываются, распоряженіемъ сената, какъ на финскомъ, такъ и на шведскомъ языкахъ, частью въ оффиціальныхъ газетахъ, частью же въ сборникѣ

распоряжаться чеканкою монеты, согласно дѣйствующему законодательству;[1])

Б. *въ отношеніи законодательной власти и установленія налоговъ, а также въ отношеніи сейма:*

созывать земскихъ чиновъ на очередный сеймъ, черезъ каждые пять лѣтъ (въ настоящее время черезъ три года), по предвареніи о томъ за 3 мѣсяца впередъ властей, распоряжающихся производствомъ выборовъ, и на чрезвычайный сеймъ, когда встрѣтится поводъ къ этому, по предвареніи о томъ сказанныхъ властей за шесть недѣль;

назначать предводителя (ландмаршала) дворянскаго сословія и предсѣдателей (тальмановъ и вице-тальмановъ) не дворянскихъ сословій и также секретаря крестьянскаго сословія;

опредѣлять продолжительность сеймовъ, свыше или менѣе четырехъ мѣсяцевъ, и лично или черезъ уполномоченнаго представителя открывать и закрывать сеймъ, а также назначать время открытія и закрытія сейма;

передавать сейму проекты, посредствомъ такъ называемыхъ предложеній, о принятіи, измѣненіи или от-

---

постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, согласно объявленію 28 ноября 1859 года, и прочитываются также въ церквахъ, — что̀ въ прежнее время было единственнымъ способомъ обнародованія законовъ.

Когда императоръ и великій князь утверждаетъ подписью принятый сеймомъ законъ, послѣдній скрѣпляется министромъ статсъ-секретаремъ, тогда какъ всѣ объявленія и постановленія монарха передъ обнародованіемъ подписываются членами сената, „по Собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію“.

[1]) Финляндія 9 августа 1877 года приняла золотую монетную систему и присоединилась къ латинскому монетному союзѣ, такъ что 1 марка = 1 франку.

мѣнѣ законовъ и другихъ мѣропріятій, требующихъ содѣйствія[1]) земскихъ чиновъ, какъ то: о новыхъ налогахъ или чрезвычайномъ обложеніи;

придавать, утвержденіемъ своимъ, принятымъ сеймомъ *проектамъ санкцію закона;*[2])

осуществлять такъ называемую экономическую и административную законодательную власть, при которой участіе земскихъ чиновъ не требуется;[3])

утверждать, на три года (пять лѣтъ), *обыкновенную роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ*,

[1]) Проекты измѣненія евангелическо-лютеранскаго церковнаго законодательства, однако, могутъ исходить только отъ церковнаго собора.

[2]) Если принятый сеймомъ законопроектъ не будетъ утвержденъ императоромъ и великимъ княземъ въ неизмѣненномъ видѣ, то онъ остается безъ послѣдствій.

[3]) Сюда относятся, главнымъ образомъ: повелѣнія о приведеніи въ исполненіе общихъ законовъ; положенія, касающіяся полиціи, народнаго здравія, надзора надъ страховыми учрежденіями, надъ печатью и пр.; правила объ организаціи правительственныхъ учрежденій и инструкціи должностнымъ лицамъ; положенія объ управленіи казенными имуществами, желѣзными дорогами, каналами, почтовою и телеграфною частью; уставы университета и прочихъ публичныхъ учебныхъ заведеній, — если только ими не будетъ нарушено какое либо опредѣленіе общаго законодательства. Въ Финляндіи, какъ и въ Швеціи, иногда трудно опредѣлять границы между экономическимъ и общимъ законодательствомъ, но вообще конфликты по этому поводу случались довольно рѣдко. — Монархъ впрочемъ можетъ *потребовать заключенія* земскихъ чиновъ по вопросамъ экономическаго законодательства, но соображенія ихъ имѣютъ только совѣщательный характеръ и не обязательны для правительства. За то въ финляндскомъ государственномъ правѣ установился принципъ, что когда монархъ предоставилъ сейму участвовать, *съ обыкновеннымъ правомъ рѣшенія*, въ дѣлѣ экономическаго законодательства, — на что онъ, конечно, имѣетъ полное право, — то этимъ весь подлежащій вопросъ *окончательно* переносится *въ область общаго законодательства* и уже не можетъ болѣе быть произведенъ въ порядкѣ экономическаго законодательства.

отдѣльныя статьи которой могутъ быть превышаемы только, когда нужды страны неотложно требуютъ этого;

разрѣшать тѣ расходы на пользу страны, которые могутъ быть производимы *изъ обыкновенныхъ доходовъ*, а также опредѣлять снаряженіе и содержаніе войскъ, въ предѣлахъ, допускамыхъ обыкновенными доходами милиціоннаго фонда и разрѣшенными сеймомъ чрезвычайными кредитами;

установлять таможенныя пошлины и тарифы за пользованіе казенными средствами сообщенія (желѣзнодорожные, почтовые и телеграфные тарифы) и другими правительственными учрежденіями, а также канцелярскія пошлины;

передавать каждому сейму отчетъ о положеніи финансовъ страны и о расходованіи доходовъ казны на нужды страны;

В. *въ отношеніи судебной власти и судебныхъ установленій:*

наблюдать за отправленіемъ правосудія (рѣшенія высшаго суда постановляются и исходятъ отъ высочайшаго имени) и пещись о томъ, чтобы всѣ подданные въ одинаковой мѣрѣ пользовались охраною законовъ;

назначать членовъ высшихъ судебныхъ мѣстъ (см.: выше подъ А);

миловать, давать амнистію, возстановлять права и возвращать конфискованное имущество преступниковъ; ни одинъ смертный приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ предварительнаго доклада императору и великому князю.

III. Главные правительственные органы монарха.

1. *По дѣламъ, рѣшаемымъ имъ въ качествѣ главы всего государства, какъ россійскаго императора*, такими органами являются:

А. *Русское министерство иностранныхъ дѣлъ*, которое вѣдаетъ всѣ дѣла, касающіяся отношеній Финляндіи къ иностраннымъ державамъ въ мирное и военное время, дипломатическаго представительства у другихъ державъ, консульской, почтовой, паспортной частей и пр., являясь по дѣламъ означеннаго рода промежуточною инстанціею между императоромъ и высшимъ мѣстнымъ правительствомъ Финляндіи, которое публикуетъ заключенные и сообщенные ему трактаты въ финляндскомъ сборникѣ постановленій. Если предполагаемый трактатъ содержитъ опредѣленія, которыми измѣняется финляндскій законъ, то онъ долженъ быть въ этомъ отношеніи сообщенъ подлежащимъ финляндскимъ властямъ (сенату или сейму) на обсужденіе и рѣшеніе (императора и великаго князя), о чемъ впрочемъ подробнѣе будетъ изложено въ концѣ этой главы. По дѣламъ, касающимся судоходства и торговли Финляндіи, консулы обязаны примѣнять финляндское право.

Б. *Русское военное министерство*, — однако только по собственно „командным дѣламъ“;[1]) при военномъ министрѣ состоитъ для доклада по этимъ дѣламъ одинъ изъ высшихъ финскихъ офицеровъ, съ потребнымъ шта-

[1]) Въ § 119 устава о воинской повинности отъ 27 декабря 1878 года по этому предмету сказано: военный министръ имперіи докладываетъ государю императору и великому князю тѣ по финскимъ войскамъ дѣла, которыя не относятся къ законодательству или хозяйственному управленію, или о производствѣ которыхъ въ постановленіяхъ края не предписано иначе.

бомъ. За то всѣ вопросы объ исполненіи воинской повинности, о призывѣ людей на военную службу, о величинѣ ежегоднаго контингента новобранцевъ, о срокахъ службы и зачисленіи въ постоянныя войска, запасъ или ополченіе, о численности постоянныхъ войскъ и пр. рѣшаются подлежащею финляндскою властью, смотря по обстоятельствамъ, либо въ порядкѣ общаго или экономическаго законодательства, либо административнымъ порядкомъ.[1])

2) *По дѣламъ, рѣшаемымъ монархомъ въ качествѣ великаго князя Финляндіи.*

А. *Сенатъ.* Такъ какъ императоръ и великій князь не имѣетъ пребыванія въ Финляндіи, то управленіе страною во всемъ, что касается отправленія правосудія и завѣдыванія государственнымъ хозяйствомъ, за исключеніемъ дѣлъ, рѣшеніе которыхъ по законамъ принадлежитъ непосредственно высочайшей власти,[2]) ввѣрено центральному органу, бывшему правительствующему совѣту, а нынѣ сенату, находящемуся въ г. Гельсингфорсѣ.

Сенатъ состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ или

---

[1]) Генералы, штабъ-и оберъ-офицеры, гражданскіе чиновники и нижніе чины должны всѣ быть финляндскими гражданами. Послѣднюю свою организацію вооруженныя силы Финляндіи получили въ силу вышесказаннаго закона 1878 года, причемъ было постановлено, между прочимъ, что нѣкоторые параграфы (числомъ 14) этого закона должны считаться основными законами, вслѣдствіе чего они не могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы безъ единогласнаго рѣшенія всѣхъ четырехъ сословій сейма и императора и великаго князя.

[2]) Въ 1896 году власть сената рѣшать дѣла высочайшимъ именемъ была значительно расширена, такъ что теперь уже только особо важныя дѣла повергаются на собственное воззрѣніе императора и великаго князя.

департаментовъ, судебнаго и хозяйственнаго, члены которыхъ назначаются императоромъ и великимъ княземъ изъ финляндскихъ гражданъ на трехлѣтній срокъ, по истеченіи котораго они могутъ быть вновь назначаемы.

Судебный департаментъ въ настоящее время состоитъ изъ десяти членовъ, изъ коихъ одинъ состоитъ въ званіи вице-предсѣдателя, и которые должны удовлетворять требованіямъ для назначенія на высшую судейскую должность. Этотъ департаментъ составляетъ высшую судебную инстанцію Финляндіи, куда могутъ быть переносимы дѣла, рѣшенныя гофгерихтами; онъ раздѣляется на два отдѣленія, въ составѣ пяти членовъ каждое. Департаментъ также наблюдаетъ за отправленіемъ вообще правосудія, при содѣйствіи прокурора.[1])

Хозяйственный департаментъ тоже состоитъ изъ десяти членовъ, въ томъ числѣ одного вице-предсѣдателя, и вѣдаетъ гражданскимъ управленіемъ страны; онъ раздѣленъ на девять экспедицій, каждая съ однимъ сенаторомъ во главѣ и съ необходимымъ составомъ служащихъ.

Общія собранія соединенныхъ департаментовъ сената происходятъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, когда разсматриваются законопроекты, вносимые императоромъ и великимъ княземъ на сеймъ,

---

[1]) Финляндія имѣетъ три гофгерихта, въ Або, Выборгѣ и Вазѣ, которыя рѣшаютъ, въ качествѣ апелляціоннаго суда, дѣла, поступающія отъ судовъ низшихъ инстанцій, и въ первой инстанціи дѣла о богохульствѣ, объ оскорбленіи Величества и о государственныхъ преступленіяхъ. Судами низшей инстанціи являются суды 62 судебныхъ округовъ внѣ городовъ и 35 городскихъ или т. н. ратгаузскихъ судовъ.

а также донесенія и законопроекты, представленные сеймомъ на высочайшее усмотрѣніе.

Сенатъ несетъ отвѣтственность единственно передъ императоромъ и великимъ княземъ за свои дѣйствія и имѣетъ право отъ высочайшаго имени давать повелѣнія низшимъ властямъ, напоминать имъ объ ихъ обязанностяхъ и требовать отъ нихъ отчета о служебной ихъ дѣятельности, доводя о томъ до свѣдѣнія монарха.

При сенатѣ состоитъ прокуроръ, съ правомъ присутствовать въ собраніяхъ сената и при этомъ требовать слова. Онъ назначается императоромъ и великимъ княземъ изъ выдающихся юристовъ и обязанъ наблюдать за точнымъ соблюденіемъ законовъ, въ особенности должностными лицами, и даже сенаторами и генералъ-губернаторомъ. Онъ въ правѣ обращаться непосредственно къ монарху.

Б. *Генералъ-губернаторъ*, который можетъ быть назначаемъ какъ изъ финляндцевъ, такъ и изъ русскихъ, есть предсѣдатель сената и представитель императора и великаго князя въ Финляндіи. Онъ печется о соблюденіи законовъ и постановленій, командуетъ войсками въ Финляндіи какъ финскими, такъ и расположенными тамъ русскими, а также есть главный начальникъ полиціи, въ каковомъ званіи ему также подвѣдомственны дѣла о печати; ему же подчинены губернаторы.[1]) Генералъ-губернаторъ входитъ къ императору и великому князю съ представленіями о назначеніи губернаторовъ, сенаторовъ и президентовъ гофгерихтовъ, по

[1]) Въ административномъ отношеніи Финляндія дѣлится на 8 губерній: Выборгскую, Куопіоскую, С. Михельскую, Нюландскую, Тавастгусскую, Або-Бьернеборгскую, Вазаскую и Улеоборгскую. Во главѣ каждой губерніи стоитъ губернаторъ.

дѣламъ исполнительнымъ онъ въ правѣ непосредственно сноситься съ подлежащими русскими властями.

В. *Министръ статсъ-секретарь* Финляндіи имѣетъ пребываніе въ С. Петербургѣ и является фактически оффиціальнымъ посредникомъ между высшимъ мѣстнымъ правительствомъ Финляндіи и императоромъ и великимъ княземъ, кромѣ упомянутыхъ уже случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ § 119 устава о воинской повинности. Онъ назначается высочайшею властью изъ финляндскихъ гражданъ[1]) и несетъ важную обязанность докладывать монарху дѣла, повергаемыя сенатомъ на высочайшее благовоззрѣніе, причемъ представляетъ составленный на русскомъ языкѣ письменный докладъ, съ приложеніемъ мнѣній какъ сената, такъ и генералъ-губернатора, когда они несогласны. Резолюція монарха сообщается имъ мѣстнымъ властямъ.[2]) Переписка между статсъ-секретаремъ м финляндскими мѣстными учрежденіями всегда ведется на шведскомъ и русскомъ языкахъ.

Министръ статсъ-секретарь вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ передаточною инстанціею при сношеніяхъ съ русскими министерствами и другими высшими учрежденіями имперіи, по дѣламъ, которыя касаются

---

[1]) Состоявшееся въ прошломъ году назначеніе финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ русскаго сановника явно противорѣчитъ закону.

[2]) Резолюціи императора и великаго князя даются либо въ видѣ манифестовъ или рескриптовъ, за собственноручною его подписью и со скрѣпою министра статсъ-секретаря, подлинники которыхъ препровождаются къ генералъ-губернатору, либо въ видѣ надписи монарха на поляхъ докладной записки статсъ-секретаря. Въ послѣднемъ случаѣ статсъ-секретарь сообщаетъ о томъ генералъ-губернатору и несетъ отвѣтственность за правильность передачи надписи.

въ одно и то же время интересовъ Россіи, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

IV. Финляндскій сеймъ.

Сеймъ Финляндіи состоитъ изъ четырехъ, сохранившихся съ среднихъ вѣковъ, сословій: *рыцарства и дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ*, но въ сеймовомъ уставѣ 1869 года положительно указано, что отдѣльныя сословія или палаты являются представителями *финскаго народа* въ общей совокупности, а не особыхъ сословныхъ интересовъ и привилегій.

Сословія собираются на очередный сеймъ въ Гельсингфорсѣ, по призыву императора и великаго князя, на основаніи закона по крайней мѣрѣ черезъ каждыя пять лѣтъ, а въ послѣднее время, вслѣдствіе большаго количества дѣлъ, черезъ три года,[1]) и на чрезвычайный сеймъ, по особому призыву. Выборы депутатовъ производятся на каждый сеймъ особо. Предворенія о выборахъ даются по крайней мѣрѣ за 3 мѣсяца, когда созывается очередный сеймъ, и за 6 недѣль при созывѣ чрезвычайнаго сейма. Сеймовыя полномочія прекращаются съ закрытіемъ сейма; если же засѣданіе отсрочивается на опредѣленное время, то полномочія сохраняютъ свою силу.

1. Составъ сеймовыхъ сословій.

А. Право представительства и голоса въ *дворянскомъ сословіи* или рыцарскомъ домѣ принадлежитъ старшему въ каждомъ родѣ внесенныхъ въ дворянскіе списки родовъ, которыхъ въ настоящее время числится 236,

---

[1]) Согласно Высочайшему объявленію 1899 года, сеймъ впредь до времени будетъ созываться черезъ каждые четыре года.

въ томъ числѣ 7 графскихъ и 47 баронскихъ родовъ. Если старшій въ родѣ самъ не явился ко второй перекличкѣ въ день открытія сейма, то старшій послѣ него членъ даннаго рода можетъ занять его мѣсто; если-же никто изъ рода не явился, то мѣсто можетъ быть занято другимъ финляндскимъ дворяниномъ, по довѣренности старшаго въ родѣ.

Б. *Сословіе духовенства* состоитъ изъ абоскаго архіепископа, трехъ епископовъ боргоскаго, куопіоскаго и нейшлотскаго, 28 депутатовъ, избранныхъ духовенствомъ, 2 депутатовъ отъ университета и 3—6 представителей учителей публичныхъ учебныхъ заведеній.

В. Въ составъ *сословія горожанъ* входятъ представители, избираемые отъ каждаго города Финляндіи, такимъ образомъ, что города, имѣющіе свыше 6 000 жителей, выбираютъ двухъ депутатовъ и затѣмъ по одному на каждыя 6 000 жителей. Выборнымъ правомъ пользуются лица мужескаго пола, достигшія совершеннолѣтія,[1]) живущія своимъ хозяйствомъ и платящія подати, за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому или духовному сословіямъ, солдатъ, матросовъ и слугъ; число депутатовъ около 60.

Г. Выборы депутатовъ въ *сословіе крестьянъ* производятся электорами, т. е. особо избранными для сего лицами. Въ этихъ выборахъ участвуютъ совершеннолѣтніе финляндскіе граждане, безъ различія вѣроисповѣданія, по той сельской общинѣ, въ которой имѣютъ постоянное мѣстожительство и владѣютъ, на правахъ собственности, или же арендуютъ оброчную землю и гдѣ платили подати въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.

[1]) Въ Финляндіи совершеннолѣтіе считается съ 21 лѣтняго возраста.

Число депутатовъ, по одному отъ каждаго судебнаго округа, также составляетъ около 60.

Избирательнымъ правомъ вообще пользуются только лица, свободно располагающія своимъ имуществомъ, не опороченныя по суду, не нарушившія законоположеній о выборахъ и не участвовавшія въ выборахъ внѣ своего сословія. Для избираемости требуется кромѣ того достиженіе 25. ти лѣтняго возраста и христіанское вѣроисповѣданіе.

Всѣ выборы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, а при равенствѣ голосовъ жребіемъ. Жалобы по поводу выборовъ приносятся, по сословіямъ горожанъ и крестьянъ, подлежащему губернатору, а по сословію духовенства въ эпархіальную консисторію, — въ четырнадцатидневный срокъ. Избранный въ депутаты можетъ отказаться отъ этого порученія только если онъ уже достигъ 60 лѣтъ отъ роду или докажетъ, что имѣетъ другія законныя препятствія.

Чиновникамъ строго воспрещено, подъ опасеніемъ лишенія должности, вмѣшиваться въ производство выборовъ; это воспрещеніе относится также къ частнымъ лицамъ, которыя за угрозы или насилія въ таковыхъ случаяхъ наказываются тюремнымъ заключеніемъ до одного года.

2. Порядокъ преній и дѣлопроизводства на сеймѣ.

По назначеніи императоромъ и великимъ княземъ ландмаршала и вицеландмаршала дворянскаго сословія и тальмановъ и вицетальмановъ прочихъ сословій (въ сословіи духовенства тальманомъ обыкновенно состоитъ архіепископъ), а для сословія крестьянъ еще особаго

секретаря изъ юристовъ[1]), и по совершеніи разныхъ старинныхъ церемоній, заключающихся, главнымъ образомъ, въ пріемѣ и отправкѣ сословіями депутацій для взаимныхъ привѣтствованій, императоръ и великій князь, лично или черезъ особо уполномоченнаго представителя, открываетъ сеймъ, объявляя при этомъ, какія высочайшія предложенія будутъ переданы сейму.

Въ теченіе первыхъ восьми дней послѣ открытія, сеймъ учреждаетъ *5 постоянныхъ комиссій:* законовъ, хозяйственную, статную (финансовую), чрезвычайныхъ налоговъ и банковую, — три первыя комиссіи въ составѣ 16ти, а двѣ послѣднія въ составѣ 12 членовъ, которые назначаются поровну отъ каждаго сословія. Кромѣ того сословія могутъ назначать особыя комиссіи по своимъ частнымъ дѣламъ. Въ этихъ комиссіяхъ, членами которыхъ не могутъ состоять сенаторы, предварительно разсматриваются, подъ руководствомъ избраннаго изъ состава комиссіи предсѣдателя, всѣ предложенія императора и великаго князя (пропозиціи) и всѣ предположенія, возбужденныя отдѣльными сеймовыми депутатами (моціи), до поступленія сихъ дѣлъ на обсужденіе въ засѣданіяхъ сословій. Опредѣленія и заключенія комиссій постановляются большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ. Комиссіи въ правѣ требовать черезъ сенатъ, отъ подлежащихъ должностныхъ лицъ, свѣдѣнія, которыя признаютъ для себя нужными.

Пренія происходятъ въ публичныхъ засѣданіяхъ въ каждомъ сословіи отдѣльно, подъ руководительствомъ

---

[1]) Секретарь обязанъ давать указанію тальману и прочимъ членамъ сословія о ихъ правахъ и обязанностяхъ. Онъ также, какъ и тальманы и вице тальманы (въ числѣ ихъ ландмаршалъ и архіепископъ), приноситъ присягу по установленной формѣ.

подлежащаго предсѣдателя (тальмана). Представленныя комиссіями заключенія обсуждаются по возможности одновременно во всѣхъ сословіяхъ, причемъ правительственныя предложенія обыкновенно принимаются къ разсмотрѣнію прежде чѣмъ возбужденные депутатами вопросы. Каждый вопросъ обыкновенно подвергается обсужденію два или три раза и рѣшается при голосованіи простымъ большинствомъ голосовъ; по требованію производится баллотировка закрытою подачею голосовъ.

Сословія могутъ каждое въ отдѣльности подробно установить для себя порядокъ занятій.

Если одно изъ сословій требуетъ созыва *общаго собранія сословій*, — такъ называемаго „plenum plenorum“, — и если требованіе это поддерживается еще другимъ сословіемъ, то такое собраніе должно состояться, подъ предсѣдательствомъ ландмаршала; въ преніяхъ въ такихъ собраніяхъ могутъ участвовать также члены сената.

Рѣшеніе земскихъ чиновъ признается вообще состоявшимся, если послѣдуетъ согласіе трехъ сословій, но когда вопросъ касается изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основнаго закона или измѣненія законодательства о сословныхъ привилегіяхъ, то требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій.

При разногласіи въ рѣшеніяхъ двухъ сословій противъ двухъ, вопросъ признается отвергнутымъ сеймомъ, если только сословія не согласятся передать его на рѣшеніе *усиленной комиссіи*. Для образованія таковой комиссіи, та сеймовая комиссія, въ которой первоначально былъ разработанъ данный вопросъ, усиливается до 15 членовъ отъ каждаго сословія. Она затѣмъ можетъ свободно обсудить дѣло, независимо отъ состояв-

шихся раньше голосованій, и принятое ею большинствомъ голосовъ рѣшеніе будетъ имѣть силу рѣшенія сейма. Когда по вопросамъ объ *установленіи налоговъ* не состоится, обыкновеннымъ порядкомъ, единогласное рѣшеніе сословій, до дѣло всегда передается въ усиленную комиссію, въ которой требуется большинство двухъ третей голосовъ для принятія налога; въ противномъ случаѣ онъ признается отвергнутымъ сеймомъ.

Послѣ четырехмѣсячной сессіи, или раньше, императоръ и великій князь можетъ закрыть сеймъ и распустить земскихъ чиновъ, причемъ соблюдается приблизительно одинаковый церемоніалъ, какъ при открытіи сейма.

При закрытіи сейма представляется императору и великому князю подписанный всѣми четырьмя тальманами актъ о принятыхъ земскими чинами рѣшеніяхъ, вмѣстѣ съ краткимъ отчетомъ объ общей дѣятельности сейма.

3. Права и обязанности депутатовъ.

Депутату не можетъ быть запрещено отправиться на сеймъ и исполнять тамъ обязанности представителя, за исключеніемъ въ военное время, если онъ принадлежитъ къ арміи.

Депутатъ въ исполненіи своихъ обязанностей связанъ только закономъ; онъ долженъ соблюдать благопристойность и приличіе въ обращеніи и поведеніи и обязанъ подчиняться указаніямъ тальмана въ отношеніи сохраненія порядка въ засѣданіяхъ, но онъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за выраженныя имъ на сеймѣ мнѣнія, безъ согласія на то сословія, къ которому онъ принадлежитъ, рѣшеніемъ, состоявшимся

большинствомъ не менѣе 5/6 наличнаго въ засѣданіи числа членовъ.

За мелкіе проступки депутатъ не можетъ быть лишенъ свободы, а по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи онъ можетъ быть заключенъ подъ стражу только когда былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, или по рѣшенію судьи, производящаго слѣдствіе.

Если депутатъ, во время сейма или проѣзда на сеймъ и обратно, подвергнется насилію за дѣйствія его на сеймѣ, то наказаніе виновному полагается въ высшей мѣрѣ.

Въ засѣданіяхъ сейма депутатъ можетъ объясняться на шведскомъ или финскомъ языкѣ [1]) и возбуждать какъ моціи такъ и петиціи.

Депутаты, засѣдающіе на сеймѣ по выборамъ, получаютъ отъ своихъ избирателей содержаніе за время сейма и вознагражденіе за путевые расходы по проѣзду на сеймъ и обратно, но если депутатъ не явится на сеймъ въ назначенное время, то сословіе, къ которому онъ принадлежитъ, можетъ лишить его содержанія за пропущенное время и, кромѣ того, подвергнуть его соотвѣтственному денежному взысканію.

4. Власть сейма.

А. Сеймъ участвуетъ, наравнѣ съ императоромъ, и великимъ княземъ, *въ осуществленіи законодательной власти*,

и ни одинъ общій или основной законъ не можетъ быть изданъ, измѣненъ или отмѣненъ безъ вѣдома и согласія сейма;

---

[1]) Въ крестьянскомъ сословіи состоитъ переводчикъ, который немедленно переводитъ содержаніе произнесенныхъ рѣчей съ одного языка на другой.

сеймъ имѣетъ право по всѣмъ вопросамъ, которые, какъ выше было сказано, не касаются основныхъ законовъ, обороны страны или дѣлъ печати, возбуждать законопроекты и принимать рѣшенія, утвержденіе которыхъ всетаки, конечно, зависитъ отъ императора и великаго князя („право моціи“); и

сеймъ, наконецъ, можетъ входить къ государю съ представленіями и ходатайствами о передачѣ ему высочайшихъ предложеній по всякимъ общимъ дѣламъ („право петиціи“).

Б. Сеймъ *осуществляетъ древнее право финскаго народа на самообложеніе* и входитъ въ разсмотрѣніе вопросовъ о необходимости установленія новыхъ налоговъ или созданія новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, причемъ не слѣдуетъ однако забывать означенное выше право императора и великаго князя устанавлять таможенныя пошлины и пр., а также право его, когда страна подвергается непріятельскому нападенію, опредѣлять новые налоги, о чемъ однако, по окончаніи войны, должно быть сообщено сейму; вмѣстѣ съ тѣмъ взиманіе ихъ должно быть прекращено.

Въ случаѣ закрытія сейма раньше, чѣмъ будетъ дано согласіе на установленіе требуемаго императоромъ и великимъ княземъ налога, принятый предыдущимъ сеймомъ налогъ взимается до исхода того года, въ которомъ будетъ закрытъ слѣдующій затѣмъ сеймъ.

Сообразно съ симъ также не можетъ быть дѣлаемъ никакой государственный заемъ безъ согласія сейма, если это не вызывается угрожающею опасностью войны, о чемъ сказано выше, или другими бѣдствіями.

В. *Финляндскій Банкъ* состоитъ подъ гарантіею земскихъ чиновъ, которые поэтому на каждомъ очередномъ

сеймѣ избираютъ одинаковое отъ каждаго сословія число банковыхъ уполномоченныхъ для надзора за управленіемъ банкомъ, а также по одному ревизору отъ каждаго сословія, для производства ежегодныхъ ревизій въ банкѣ.

Г. Земскіе чины, наконецъ, обязаны съ неусыпнымъ стараніемъ охранять неприкосновенность правъ императора и великаго князя и соблюдать основные законы страны, чтобы не нарушались и права подданныхъ, но каждый пользовался своими законными правами и благопріобрѣтенными преимуществами.

V. Положеніе церкви.

Евангелическо-лютеранская церковь должна быть признаваема и поддерживаема какъ первенствующая церковь финскаго народа. Законы[1]) для этой церкви издаются императоромъ и великимъ княземъ совмѣстно съ сеймомъ, только по предложеніямъ церковныхъ соборовъ.

Дѣла *греко-россійской церкви* вѣдаются по ближайшимъ указаніямъ императора и великаго князя и члены ея пользуются особымъ покровительствомъ.[2])

---

[1]) Нынѣ дѣйствующее церковное уложеніе, замѣнившее старое шведское уложеніе 1686 года, издано 6 декабря 1869 года. — Церковные соборы происходятъ черезъ каждые 10 лѣтъ и въ нихъ участвуютъ, кромѣ епископовъ, 30 священниковъ изъ всѣхъ епархій и слѣдующіе мірскіе члены: 1 сенаторъ, 1 профессоръ юридическаго факультета университета, по одному представителю отъ каждаго гофгерихта и по одному депутату отъ всѣхъ 45 пробстскихъ округовъ. Какъ уже упомянуто, церковные соборы имѣютъ исключительное право возбуждать проекты объ измѣненіи церковнаго законодательства, которые, однако, требуютъ одобренія, какъ императора и великаго князя, такъ и сейма.

[2]) Греко-россійская церковь имѣетъ одного епископа съ духовною консисторіею въ г. Выборгѣ, и подчинена святѣйшему синоду въ С. Петербургѣ.

Прочимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ въ Финляндіи предоставлено свободное отправленіе вѣры, и исповѣдывающимъ другія *протестанскія* вѣроученія разрѣшено образовать церковныя общины, при соблюденіи условій, установленныхъ закономъ 11 ноября 1889 года.

VI. Общегражданскія права и обязанности.

1. Всѣ финляндскіе граждане свободные подданные и пользуются, подъ защитою законовъ, равными правами.

2. Никому не можетъ быть насильственно причинено ущерба въ его личныхъ или имущественныхъ правахъ, безъ законнаго суда. Равнымъ образомъ никто не можетъ быть лишенъ свободы на болѣе продолжительное время, безъ слѣдствія и судебнаго приговора.

3. Каждый финляндскій гражданинъ въ правѣ судиться тѣмъ судомъ, которому онъ по финляндскому закону подсуденъ. Не могутъ быть учреждены судныя комиссіи для суда въ частныхъ случаяхъ, равно какъ чрезвычайные суды.

4. Каждый финляндскій гражданинъ, безъ различія состоянія, можетъ пріобрѣтать поземельную собственность, не исключая т. н. бѣлопомѣстныхъ имѣній, которыя прежде могли быть пріобрѣтаемы исключительно дворянствомъ (законъ 2 апрѣла 1864).[1])

5. Обыватели страны могутъ свободно заниматься промыслами, согласно закону о промыслахъ 31 марта 1879 года.

6. За нѣкоторыми, закономъ установленными, изъятіями въ отношеніи допущенія къ занятію должностей

[1]) Русскіе также въ правѣ, какъ уже сказано, владѣть землею, безъ особаго на то разрѣшенія правительства.

по государственной службѣ, между финляндскими гражданами христіанскаго вѣроисповѣданія нѣтъ различія въ правовомъ ихъ положеніи.

7. Каждый финляндскій гражданинъ обязанъ безпрекословно платить установленныя закономъ подати.

8. Для защиты престола и отечества, каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.

10. При перемѣнѣ царствованія обыватели Финляндіи приносятъ присягу на вѣрность и вѣрноподданство императору и великому князю.

10. Граждане пользуются свободою собраній, но полицейская власть въ правѣ присутствовать на публичныхъ сходкахъ и запрещать такія сходки подъ открытымъ небомъ, которыя угрожаютъ опасностью спокойствію и общественному порядку.

Для учрежденія частныхъ обществъ требуется однако разрѣшеніе правительства. Періодическая печать предоставлена произволу исполнительной власти (съ 1893 года генералъ-губернатора, въ качествѣ главы полицейской власти). Каждое печатное сочиненіе предварительно до выпуска въ свѣтъ, подлежитъ цензурному контролю; для изданія газетъ и журналовъ требуется предварительное разрѣшеніе, которое во всякое время можетъ быть отмѣнено, и каждый нумеръ до выпуска обязательно представляется цензору.

VII. Производство государственныхъ дѣлъ и законопроектовъ, касающихся общихъ интересовъ Россіи и Финляндіи.

При разрѣшеніи относящихся сюда вопросовъ, которые въ послѣднее время получили столь выдающееся значеніе, до сихъ поръ примѣнялся установленный въ

1826 году порядокъ.[1]) Согласно этому порядку, подлежащій русскій министръ сообщаетъ предположеніе, которое по его мнѣнію касается общегосударственныхъ интересовъ, финляндскому министру статсъ-секретарю, который препровождаетъ дѣло къ генералъ-губернатору и въ сенатъ. Когда затѣмъ сношеніями достигнуто соглашеніе, то вопросъ повергается, какъ русскимъ министромъ такъ и министромъ статсъ-секретаремъ, на утвержденіе императора и великаго князя, послѣ чего въ обѣихъ странахъ издаются тождественные или согласныя постановленія.[2])

По болѣе важнымъ и сложнымъ вопросамъ взаимное соглашеніе между правительственными органами обѣихъ странъ подготовляется въ смѣшанныхъ комиссіяхъ, въ составъ которыхъ входятъ представители отъ русскаго и финляндскаго правительствъ. Если же по дѣлу, въ силу основныхъ законовъ Финляндіи, требовалось участіе финляндскаго сейма, то проекты, относительно которыхъ русскія и финляндскія власти пришли къ соглашенію и которые одобрены императоромъ и великимъ княземъ, передавались сейму въ видѣ высочайшихъ предложеній. Если земскими чинами были сдѣланы измѣненія въ проектахъ, то подлежащему русскому министру предоставлялась возможность высказаться относительно ихъ, прежде чѣмъ проекты окончательно докладывались монарху.

---

[1]) Ст. 218 основныхъ законовъ Россійской Имперіи (Томъ 1 Свода законовъ).

[2]) Предметомъ такихъ распоряженій до сего времени были, между прочимъ: наслѣдства, оставшіяся послѣ русскихъ уроженцевъ, умершихъ въ Финляндіи, и наоборотъ; обоюдное исполненіе судебныхъ приговоровъ; упорядоченіе взаимныхъ торговыхъ сношеній и пр.

Финляндскій министръ статсъ-секретарь обязанъ, предварительно всеподданнѣйшаго доклада, сообщить подлежащему русскому министру всѣ финляндскіе законопроекты, которые могутъ касаться также интересовъ имперіи; такіе случаи бываютъ, конечно, очень рѣдко.

Въ отношеніи международныхъ соглашеній и трактатовъ, которые могутъ представлять интересъ и для Финляндіи, русское министерство иностранныхъ дѣлъ, до заключенія трактата, запрашиваетъ мнѣніе финляндскаго сената и, въ случаѣ надобности, въ трактатъ вносятся особыя опредѣленія касательно Финляндіи. Каждый трактатъ и другіе подобные акты, которые должны примѣняться также въ Финляндіи и служить къ руководству финляндскимъ властямъ, передаются по высочайшему повелѣнію въ сенатъ, для обнародованія въ „сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго".

ГЛАВА VIII.

Международное положеніе Финляндіи.

Въ главѣ 5:ой уже было пояснено, что Финляндія, послѣ Боргоскихъ актовъ и основываясь на нихъ, какъ на исходной точкѣ, а также на основаніи подлежащихъ актовъ позднѣйшихъ императоровъ, должна считаться *дѣйствительнымъ государствомъ*, а не привилегированною провинціею, какъ утверждаютъ антифинскіе русскіе авторы, или неполнымъ государствомъ (Staatsfragment). какимъ считаетъ ее австрійскій профессоръ Еллинекъ[1])

[1]) Здѣсь мы имѣемъ въ виду статью Еллинека „Über Staatsfragmente", напечатанную въ юбилейномъ изданіи гейдельбергскихъ

въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ статей. Но, съ другой стороны, изъ приведеннаго въ предыдущемъ обзора дѣйствующаго въ Финляндіи государственнаго права видно, что Финляндія не можетъ называться суверенным государствомъ, такъ какъ она въ области иностранной политики и непосредственно связанныхъ съ нею дѣлъ подчинена суверенности Россіи. Это обстоятельство однако нисколько не мѣшаетъ ей быть государствомъ, ибо полный суверенитетъ, чего вѣдь не оспариваетъ современная наука государственнаго права, не есть обязательная принадлежность понятія о государствѣ, каковое понятіе поэтому обнимаетъ, какъ суверенныя, такъ и несуверенныя государства.

Какъ должно быть названо, въ международныхъ отношеніяхъ государствъ, существующее политическое соединеніе между вполнѣ суверенною россійскою имперіею и несуверенным великимъ княжествомъ финляндскимъ, это другой вопросъ, который, быть можетъ, имѣетъ болѣе теоретическое, чѣмъ собственно практическое значеніе.

профессоровъ, въ которой онъ признаетъ Финляндію, съ которою между прочимъ сравниваетъ Исландію, чѣмъ-то среднимъ между государствомъ и провинціею. Къ провинціямъ Финляндія не можетъ быть имъ отнесена, потому что онъ признаетъ ее имѣющею собственную свою территорію, собственныхъ подданныхъ, не состоящихъ въ то же время русскими подданными, и свое отдѣльное управленіе; тутъ недостаетъ только того, чтобы Александръ I совершенно отдѣлилъ свойство великаго князя финляндскаго отъ свойства русскаго императора. Поэтому Финляндія въ глазахъ Еллинека представляется неполнымъ государствомъ или, какъ онъ предлагаетъ назвать ее, „краемъ“. Какъ видно, авторъ вдается въ хитроумныя толкованія и многочисленныя градаціи: привилегированная провинція, неполное государство или край, несуверенное государство и суверенное государство.

Фактически существующіе государственные союзы раздѣляются на *двѣ главныя группы*, изъ которыхъ *первая* обнимаетъ соединенія *однихъ суверенныхъ государствъ*, сохраняющихъ при этомъ полный свой суверенитетъ, какъ, напримѣръ, Швеція-Норвегія и Австро-Венгрія — такъ называемыя реальныя уніи — *а вторая* обнимаетъ соединенія, въ которыя могутъ входить, какъ *суверенныя*, такъ *и несуверенныя* государства. Но въ этой послѣдней категоріи опять различаются, *съ одной стороны*, *такъ называемыя союзныя государства*, какъ нынѣшняя Германская имперія, Швейцарія и Сѣверная Америка, въ которыхъ соединившіяся отдѣльныя государства въ совокупности образуютъ суверенное государство, участвуя притомъ всѣ въ отправленіи власти, принадлежащей государству, и, *съ другой стороны*, союзы, въ которыхъ хотя соединенныя государства вмѣстѣ образуютъ государство суверенное, но въ которыхъ однако верховная власть принадлежитъ только *одному отдѣльному изъ соединенныхъ государствъ*.

Не только нѣкоторые финскіе авторы — въ особенности проф. Мехелинъ, а также Бергъ — но и иностранные ученые, въ томъ числѣ даже русскіе,[1]) по-

[1]) Даніельсонъ приводитъ слѣдующую выдержку изъ сочиненія *русскаго* профессора Чичерина, 1866 года: „Реальное соединеніе состоитъ въ томъ, что престолы обоихъ государствъ объявляются неразрывно связанными другъ въ другомъ, причемъ каждое сохраняетъ свою политическую самобытность, свое управленіе или свою конституцію. На томъ же основаніи въ 1809 году присоединилась къ Россіи Финляндія, а въ 1815 году Царство Польское. Первая доселѣ имѣетъ свою конституцію, второе же, вслѣдствіе возстанія 1831 года, лишилось представительныхъ учрежденій, дарованныхъ ему Александромъ I., но остается отдѣльнымъ государствомъ въ реальномъ соединеніи съ Россіею". — Лишь послѣ второго возстанія Польша въ 1867 году обратилась въ русскую губернію.

ложительно утверждаютъ, что взаимное государственно-правовое отношеніе между Россіею и Финляндіею должно считаться реальною уніею и правильность такаго взгляда повидимому также подкрѣпляется, какъ формою, такъ и содержаніемъ Боргоскихъ актовъ. Однако, противъ такого мнѣнія рѣшительно говоритъ то обстоятельство, что для реальной уніи требуется равноправность между образующими её государствами, а ея то именно и не существуетъ между Россіею и Финляндіею, такъ какъ эта послѣдняя, какъ выше сказано, хотя въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, подвластна первой. Если, слѣдовательно, отношеніе между Россіею и Финляндіею не можетъ быть подведено подъ понятіе реальной уніи и такъ какъ тутъ, очевидно, совершенно непримѣнимо понятіе о „союзномъ государствѣ“, то остается только возможность причислить это отношеніе ко второму подраздѣленію, т. е. къ тѣмъ государственнымъ соединеніямъ, въ которыхъ одно изъ соединенныхъ государствъ пользуется суверенною властью надъ другимъ.

Въ этихъ соединеніяхъ, правда, суверенное и несуверенное государства обыкновенно имѣютъ каждое своего монарха, тогда какъ русскій императоръ въ то же время есть великій князь финляндскій, но развѣ это обстоятельство — спрашиваетъ Даніельсонъ[1]) — не говоря о фактически чрезвычайно важномъ значеніи его, имѣетъ какое-либо рѣшающее значеніе съ юридической точки зрѣнія?

Тѣмъ не менѣе Германсонъ[2]) повидимому придаетъ этому обстоятельству нѣкоторое значеніе, когда онъ говоритъ: „Наконецъ правовыя отношенія между Россіею и Финляндіею характеризуются тѣмъ, что россійскій

[1]) l. c. стр. 15—16.

[2]) Государственно-правовое положеніе Финляндіи. § 20.

императоръ есть въ то же время великій князь финляндскій. Такъ какъ монархомъ Финляндіи, слѣдовательно, является государь всей державы, то этимъ Финляндія отличается отъ тѣхъ государствъ, которыя названы вассальными государствами".

Борнгакъ[1]) говоритъ, что отношеніе Финлядіи къ Россіи было бы тождественнымъ съ отношеніемъ Болгаріи къ Турціи, если-бы султанъ былъ въ то же время княземъ Болгарскимъ, но мнѣ кажется однако, что единство монарха суверенаго и подвластнаго государствъ не измѣняетъ дѣйствительнаго характера этого отношенія. Можетъ ли Николай II, спрашиваютъ съ ироніею, какъ великій князь Финляндіи, быть вассаломъ Николая II, какъ всероссійскаго императора? Но развѣ не правы авторы, которые указываютъ, что король прусскій и императоръ германскій по многимъ вопросамъ можетъ очутиться въ такомъ же положеніи, и почему то, что́ вѣрно въ одномъ случаѣ, не могло бы имѣть мѣста и въ другомъ?

Упомянувъ, что связь между вассальнымъ и сюзереннымъ государствомъ крайне непрочна и постоянно грозитъ разрывомъ — обыкновенно государственныя соединенія этого рода считаются переходною формою или къ полной инкорпораціи вассальнаго государства или, наоборотъ, къ его полной эмансипаціи — названный раньше авторъ, Философовъ, указываетъ, что именно общность монарховъ обоихъ государствъ представляетъ изъ себя коррективъ, который придаетъ этому соединенію характеръ необходимаго постоянства и прочности. Единство монарха является связующимъ звеномъ, дающимъ воз-

---

[1]) Цитир. Философовымъ l. c. стр. 51.

можность безпристрастно оцѣнивать обоюдные интересы даже при живомъ воздѣйствіи разнородныхъ силъ и элементовъ въ государственной жизни. Если Философовъ правъ въ этомъ — и мнѣ кажется, что въ словахъ его много правды — то единство монарха суверенаго и вассальнаго государствъ служитъ не опровергающимъ, а скорѣе подкрѣпляющимъ обстоятельствомъ въ пользу выраженнаго мнѣнія по настоящему вопросу.

Можетъ ли оно повести къ выводамъ, опаснымъ для самостоятельности и государственнаго существованія Финляндіи вообще, опять совсѣмъ другой вопросъ.

Такая опасность, быть можетъ, могла бы угрожать, если бы справедливо было мнѣніе,[1]) что суверенитетъ, представляетъ собою неограниченную власть — подобно прежнему государственно-правовому абсолютизму — которая вправѣ произвольно отмѣнять или измѣнять права подчиненныхъ ему несуверенныхъ государствъ. Но такое мнѣніе въ настоящее время опровергается и порицается со всѣхъ компетентныхъ сторонъ — Даніельсонъ и Германсонъ тутъ сходятся во мнѣніяхъ съ Робертомъ Моль, Еллинекомъ[2]) и проч. — всѣ они еди-

---

[1]) Въ особенности Коркуновъ неоднократно приводитъ это мнѣніе, какъ оружіе противъ Финляндіи.

[2]) „Кто же утверждаетъ, что суверенное государство можетъ нарушить эти границы своихъ правомочій по отношенію къ подчиненному ему краю, тотъ становится на ту точку зрѣнія, которая отождествляетъ суверенитетъ съ неограниченною властью, отрицаетъ возможность самоограниченія и смѣшиваетъ силу съ правомъ". — Цитир. у Философова, l. c. стр. 18/19.

Генель — цитир. у Германсона l. c. стр. 60 — прямо говоритъ, что современная литература съ рѣдкимъ единодушіемъ старается

ногласно признаютъ, что государства европейскихъ народовъ находятся подъ защитою и сѣнью права, и что тѣ предположенія и удостовѣренія, при которыхъ состоялось государственное соединеніе и соотвѣтственно чему развивалось правовое положеніе, одинаково обязательны для господствующаго суверенпаго, какъ и для подчиненнаго несуверенпаго государства, и что первое можетъ измѣнять существующія правовыя отношенія между нимъ и подчиненнымъ государствомъ только съ согласія послѣдняго.

Примѣняя это положеніе къ отношеніямъ между Россіею и Финляндіею, дѣло становится вполнѣ яснымъ и простымъ. При созданіи государственнаго соединенія въ Борго, Императоръ Александръ I[1]), за себя и наслѣдниковъ своихъ на императорскомъ престолѣ, „на вѣчныя времена“ обезпечилъ за Финляндіею сохраненіе особыхъ ея законовъ, тогда какъ представители финскаго народа не только присягнули на вѣрность императору, но въ то же время подъ клятвою обѣщали хранить законы Финляндіи въ ненарушимой ихъ силѣ. Поэтому права Финляндіи, хотя она и не есть суверенное государство, могутъ быть ограничены или отмѣнены не иначе, какъ въ порядкѣ, установленномъ собственными ея законами, т. е. лишь съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи.

Общій выводъ изъ всего этого, которымъ также вполнѣ обезпечивается положеніе Финляндіи, пока право еще имѣетъ какой-нибудь смыслъ и значеніе, будетъ, что Финляндія, при полномъ сохраненіи своихъ осо-

---

освободить понятіе суверенитета отъ отождествленія его съ абсолютизмомъ.

[1]) Даніельсонъ: „Внутренняя самостоятельность Финляндіи“, стр. 15 и Германсонъ: „Возраженіе“ стр. 49—65.

быхъ законовъ, образуетъ вмѣстѣ съ россійскою имперіею соединенное государство или державу, въ которой суверенитетъ принадлежитъ Россіи и ея императору.[1])

ГЛАВА IX.

Финляндія въ царствованіе Императора Николая II.

Мрачныя тучи, которыя начали надвигаться въ концѣ царствованія Александра III, все болѣе сгущались въ царствованіе его преемника, пока не разразились грозою въ 1899 году. Національнстская и панславистская партія, вѣроятно не безъ нѣкоторой зависти, признала оскорбительнымъ для достоинства государства, что такая сравнительно ничтожная часть его, какъ Финляндія, пользуется правами, которыхъ лишена могущественная имперія и гораздо болѣе многочисленное населеніе ея, а среди военной партіи почти съ самаго начала обнаружилось сильное недовольство организаціею финскаго войска и уставомъ воинской повинности 1878 года, въ отношеніи какъ формы, такъ и содержанія его, почему впослѣдствіи были сдѣланы повторенныя попытки къ измѣненію его.

Но теперь рѣшено было серьезно приняться за это

---

[1]) Ср. отзывъ земскихъ чиновъ сейма 1899 года, стр. 137: „Земскіе Чины Финляндіи, также какъ и комиссія законовъ сейма, не только въ принятыхъ законопроектахъ, но и въ другихъ случаяхъ, неоднократно признавали, что Финляндія, пользуясь государственною автономіею, нераздѣльно соединена съ россійскою имперіею и составляетъ часть россійскаго государства."

дѣло. Въ то время, когда извѣстный мирный манифестъ царя служилъ предметомъ толковъ въ Европѣ, комиссія, составленная почти исключительно изъ русскихъ военныхъ и высшихъ гражданскихъ чиновниковъ, выработала законопроекты, направленные къ увеличенію въ четыре раза численности нижнихъ чиновъ и къ коренному измѣненію организаціи, состава и проч. финскихъ войскъ. Было даже предположено объявить эти проекты высочайшими указами къ немедленному руководству, но такое явное нарушеніе закона было предупреждено, благодаря вмѣшательству генерала Прокопе, занявшаго въ іюнѣ 1898 года мѣсто генерала Дена, воззрѣнія котораго онъ очевидно раздѣлялъ, почему онъ и долженъ былъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уступить должность природному русскому, г. фонъ Плеве. Вмѣсто изданія предполагавшагося высочайшаго указа, былъ созванъ чрезвычайный сеймъ, которому 24 января 1899 года были переданы вышесказанные законопроекты, послѣ того какъ генераломъ Бобриковымъ было дано понять, что военная часть Финляндіи будетъ преобразована даже помимо согласія земскихъ чиновъ. При этомъ достойно вниманія, что проекты эти были переданы сейму не на разсмотрѣніе и принятіе, какъ этого требовала конституція, а лишь на заключеніе и соображеніе. Такъ какъ это обстоятельство, также какъ и содержаніе самихъ проектовъ, противорѣчащихъ по формѣ и по сущности установленнымъ закономъ 1878 года принципамъ, было мѣтко и прямо указано въ рѣчахъ предсѣдателей сословій при самомъ открытіи сейма, то оно дало, быть можетъ, желанный поводъ къ еще болѣе серьезному шагу, также подготовленному въ тайнѣ русскою комиссіею, а именно къ изданію высочайшаго манифеста отъ

15 февраля 1899 года, съ приложенными къ нему основными положеніями отъ того же числа. Манифестъ подписанъ собственноручно императоромъ и скрѣпленъ великимъ княземъ Михаиломъ, въ качествѣ предсѣдателя русскаго государственнаго совѣта, а основныя положенія подписаны только великимъ княземъ, съ собственноручною надписью императора на подлинникѣ: „быть по сему“.

Въ манифестѣ сказано, между прочимъ: „Великое княжество финляндское... пользуется... особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны. Но независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ осебенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій великаго княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами и недостатокъ оныхъ подавалъ поводъ къ важнымъ неудобствамъ... Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы . . . признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ имперіи и великаго княжества, установить твердый и незыблемый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ финляндскаго края относящихся, Мы сочли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію бли-

жайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства."

Основныя положенія гласятъ дословно:

„1. Первообразное начертаніе законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, пріемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченію дѣлъ управленія представится необходимымъ составить новое постановленіе или измѣнить либо дополнить дѣйствующій законъ.

2. Порядокъ сей соблюдается въ отношеніи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи.

3. Высочайшее соизволеніе относительно изданія указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ Министромъ Имперіи и Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собою сношеніи. Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, когда по ходу управленія Великаго Княжества признаетъ необходимымъ восполнить дѣйствующіе въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими Положеніями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенія, для дальнѣйшаго ихъ направленія, подлежащему Министру Имперіи и Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества.

4. По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія относительно изданія закона для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, Министръ Имперіи,

о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона, сносится въ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

5. По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется заключеніе Сейма и въ порядкѣ изданія законовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 2 сихъ Положеній. Заключеніе Сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очередномъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этою цѣлью чрезвычайнаго Сейма.

6. По полученіи заключеній Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго Финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 5) и Финляндскаго Сейма, Министръ Имперіи вноситъ законопроектъ въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его Учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и Сейма.

7. Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ на общемъ основаніи, при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ Сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

8. Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту

обнародывается установленнымъ порядкомъ, какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ."

При сопоставленіи приведенныхъ выше основныхъ положеній съ изложеннымъ въ 7 главѣ настоящаго труда, а въ особенности въ отдѣлѣ VII сей главы, очеркомъ современнаго государственнаго права Финляндіи легко усматривается, что недостатки, устраненіе которыхъ имѣется въ виду манифестомъ, въ дѣйствительности вовсе не существуютъ, и что указанный способъ устраненія ихъ въ всякомъ случаѣ положительно противорѣчитъ основнымъ законамъ Финляндіи. Не говоря вовсе о неизвѣстномъ до сихъ поръ раздѣленіи дѣлъ на три разряда, а именно на дѣла, касающіяся всего государства, въ томъ числѣ и Финляндіи, дѣла касающіяся Финляндіи, но затрогивающія въ томъ или другомъ отношеніи также общегосударственные интересы, и, наконецъ, дѣла, относящіяся исключительно до нуждъ великаго княжества, необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1. законодательная власть въ великомъ княжествѣ должна, въ отношеніи всѣхъ законовъ, имѣющихъ дѣйствіе въ предѣлахъ Финляндіи, осуществляться сообразно съ основными законами Финляндіи;

2. русскому государственному совѣту не можетъ быть предоставлено никакой власти по законодательству для Финляндіи, безъ измѣненія финляндскихъ основныхъ законовъ; и

3. манифестъ предоставляетъ финляндскому сейму только совѣщательный голосъ по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, относимымъ къ области общаго государственнаго законодательства; но

4. это послѣднее обстоятельство представляется тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ манифестѣ не указывается въ точности какія дѣла вообще должны считаться принадлежащими къ области общегосударственнаго законодательства, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія императора, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ Финляндіи ни на минуту не возникало никакаго сомнѣнія относительно истиннаго характера манифеста и основныхъ положеній.

Въ сенатѣ, куда, какъ уже было сказано, поступаютъ всѣ манифесты и постановленія, до обнародованія ихъ по Финляндіи, рѣшено было, десятью голосами противъ десяти, обнародовать манифестъ, но въ то же время всѣ 20 сенаторовъ единогласно рѣшили представить протестъ, въ которомъ вполнѣ открыто — не слѣдуетъ забывать, что сенаторы по избранію императоромъ назначаются на должности только на три года — разбирается высочайшій манифестъ и указывается на допущенныя въ немъ разныя нарушенія конституціонныхъ правъ Финляндіи, а въ заключеніе, признавая, что могутъ быть вопросы, затрогивающіе интересы всего государства и требующіе разсмотрѣнія въ иномъ порядкѣ, чѣмъ до сихъ поръ, излагается ходатайство, чтобы Его Императорское Величество соизволилъ учредить комиссію изъ свѣдущихъ русскихъ и финляндскихъ членовъ, для выработки соотвѣтственнаго законопроекта, который былъ бы затѣмъ переданъ финляндскому сейму, на разсмотрѣніе въ установленномъ финляндскою конституціею порядкѣ.

Этотъ протестъ должны были лично представить монарху вице-предсѣдатели и прокуроръ финляндскаго

сената, но они не были приняты, и протестъ былъ отклоненъ съ изъявленіемъ неудовольствія. Почти такая же судьба постигла ландмаршала и тальмановъ трехъ остальныхъ сословій, когда они по порученію земскихъ чиновъ пріѣхали въ Петербургъ съ подобнымъ же, хотя болѣе краткимъ обращеніемъ къ монарху, который черезъ министра статсъ-секретаря далъ знать земскимъ чинамъ, что „глубоко возмущенъ предположеніемъ, будто хотѣлъ нарушить свое слово". Депутацію онъ не пожелалъ принять и повелѣлъ членамъ ея возвратиться къ своимъ занятіямъ, поручая объявить земскимъ чинамъ, что „далъ краю наилучшее обезпеченіе въ сохраненіи мѣстнаго его законодательства тѣмъ, что самъ взялся въ сомнительныхъ случаяхъ рѣшать какіе вопросы должны быть отнесены къ области общегосударственнаго законодательства и потому подлежать разсмотрѣнію высшей законодательной власти.

Между тѣмъ общее напряженное настроеніе и безпокойство росли, а повторенный отказъ монарха принимать представителей финляндскихъ законныхъ властей, конечно, не благопріятствовалъ къ успокоенію умовъ. Тогда, безъ всякаго предварительнаго уговора и, можно сказать, безъ всякой организаціи, возникла мысль другимъ путемъ обратиться къ монарху, адресомъ непосредственно отъ всего населенія, съ представленіемъ этого адреса черезъ избранную народомъ депутацію.

Извѣстно съ какою удивительною скоростью была осуществлена эта мысль, какъ, въ невѣроятно короткое время, въ теченіе 10 дней, въ странѣ на десять разъ большей Даніи, среди зимы, свыше 520 000 человѣкъ, составляющіе значительно преобладающее большинство взрослыхъ жителей Финляндіи, на пространствѣ отъ

береговъ Финскаго залива и по ту сторону полярнаго круга, подписали адресъ на имя монарха, доставленный затѣмъ въ С. Петербургъ 500 уважаемыми гражданами. — „Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь“, начинается адресъ, „Манифестъ Вашего Императорскаго Величества отъ 15 февраля сего года возбудилъ тревогу и скорбь во всей Финляндіи. Исконное право финскаго народа, въ лицѣ своихъ представителей на сеймѣ участвовать въ законодательствѣ, было на вѣчное время утверждено Императоромъ Александромъ I, память котораго благословляемъ. Право это еще болѣе расширено и урегулировано въ царствованіе блаженныя памяти Императоровъ Александра II и Александра III.“ . . . . . „Мы не можемъ допустить“, говорится далѣе, чтобы въ намѣренія Вашего Императорскаго Величества входило этимъ манифестомъ поколебать законный порядокъ и внутреннее устройство Финляндіи.“ . . . . . „Въ нашихъ сердцахъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ ненарушимости Императорскаго слова. Намъ всѣмъ вѣдь извѣстно, что именно нашъ Монархъ Самъ провозгласилъ передъ лицомъ всего человѣчества, что сила должна уступать праву.“ „И — сказано въ заключеніе — право малаго народа также священно какъ и величайшей націи, его любовь къ отечеству есть добродѣтель передъ лицомъ Всемогущаго Бога, отъ которой онъ не можетъ отречься.“

Подобная депутація едва ли когда-нибудь раньше появлялась на улицахъ С.-Петербурга, и члены ея навѣрное были встрѣчены съ разнородными чувствами.

Всѣ сдѣланныя попытки вскорѣ оказались тщетными; спустя два дня генералъ Прокопе, который тогда еще исправлялъ должность министра статсъ-секретаря, и въ

добрыхъ намѣреніяхъ котораго никто не сомнѣвался, сообщилъ депутатамъ, что государь, „конечно, не можетъ принять ихъ, хотя онъ и не сердится на нихъ; они должны вернуться домой и могутъ затѣмъ подать свои прошенія подлежащимъ губернаторамъ, которые представятъ ихъ генералъ-губернатору для всеподданнѣйшаго доклада, если вообще заслуживаютъ вниманія". Генералу Прокопе велѣно было еще объяснить имъ смыслъ февральскаго манифеста и затѣмъ приказать имъ разъѣхаться по домамъ."

Послѣ этого увѣдомленія, на которое одинъ неустрашимый финляндскій гражданинъ[1]) отвѣтилъ рѣчью, которая долго не будетъ забыта, депутація выѣхала изъ С. Петербурга, встрѣчая вездѣ, гдѣ на возвратномъ пути показывалась въ Финляндіи, пріемъ, который ясно свидѣтельствовалъ, что сердца финляндцевъ сопровождали ее въ пути.

Тѣмъ временемъ сеймъ продолжалъ свои занятія по

---

[1]) Рѣчь эта была сказана англійскимъ вице-консуломъ въ Выборгѣ, Вольфомъ. Онъ ее закончилъ словами: „Спросите же Его Величество, достаточно ли онъ богатъ, чтобы отвергнуть преданность и любовь такого народа. Ваше Превосходительство сказали намъ, что Государь Императоръ въ манифестѣ предоставилъ себѣ самому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать какіе вопросы должны быть отнесены къ имперскому законодательству и какіе мѣстному финляндскому законодательству и что мы должны положиться на это. На это мы отвѣтимъ, что жизнь Его Величества, также какъ и наша жизнь, въ рукахъ Всевышняго. Любовь милліоновъ подданныхъ не могла защитить драгоцѣнную жизнь Императора Александра II отъ небольшой кучи злодѣевъ и отъ тѣхъ, которые выдали его имъ". Консулъ былъ уволенъ англійскимъ правительствомъ за участіе въ политической пропагандѣ, но одновременно съ этимъ всѣ остальные англійскіе вице-консулы въ Финляндіи подали просьбы объ увольненіи отъ этого званія.

разсмотрѣнію переданныхъ ему военныхъ законопроектовъ, требовавшихъ еще довольно много времени, потому что задача была щекотливая, и приходилось работать подъ давленіемъ противорѣчивыхъ взглядовъ, не по главному вопросу, волнующему населеніе, а относительно лучшаго пути, который земскимъ чинамъ слѣдовало выбрать, чтобы не произошло разрыва съ монархомъ.

Однако, наконецъ достигнуто было соглашеніе въ томъ, что было бы неблагоразумно прямо отклонить предложенія по формальнымъ соображеніямъ, сколько бы ни имѣлось поводовъ къ этому, но что слѣдовало, рѣшительно указывая на содержащіяся въ проектахъ многочисленныя отступленія отъ общихъ и основныхъ законовъ Финляндіи, войти въ разсмотрѣніе содержанія отдѣльныхъ ихъ пунктовъ и по мѣрѣ возможности стараться удовлетворить предъявленнымъ въ нихъ требованіямъ, чтобы въ этомъ отношеніи не давать правительству повода ссылаться на необходимость февральскаго манифеста. О полномъ удовлетвореніи всѣхъ требованій, однако, не могло быть и рѣчи, и все же сеймомъ были сдѣланы сравнительно большія уступки. Такъ, напримѣръ, сеймъ согласился на увеличеніе численности войскъ мирнаго состава съ 5000 до 12 000 человѣкъ и на потребованное измѣненіе въ отношеніи между дѣйствующими войсками и запасомъ, а также согласился допустить чтобы финскія войска во время войны выводились изъ предѣловъ страны, когда оборона Финляндіи не требуютъ ихъ оставленія въ краѣ. Наконецъ, было предусмотрительно рѣшено включить одобренныя земскими чинами требованія правительства въ проектъ измѣненія нѣкоторыхъ положеній дѣйствующаго устава

о воинской повинности, отъ 17 декабря 1878 года, каковой проектъ могъ быть представленъ на утвержденіе императора и великаго князя, въ установленномъ порядкѣ.[1])

Еще болѣе важную задачу сейму пришлось разрѣшить по отношенію къ явнымъ нарушеніямъ конституціи Финляндіи, заключающихся въ манифестѣ и въ основныхъ положеніяхъ, и никто, кто ознакомился съ спокойнымъ и достойнымъ изложеніемъ отвѣта земскихъ чиновъ и съ приведенными въ немъ вѣскими и ясными историческими и юридическими доказательствами, не можетъ отрицать, что эта задача была разрѣшена сеймомъ весьма удачно.

Серьезно и твердо, но не посягая на достоинство престола, земскіе чины, въ заключеніе, обращаются къ монарху съ слѣдующими словами:

„Въ общемъ выводѣ изложеннаго въ предыдущемъ земскіе чины всеподданнѣйше доносятъ Вашему Императорскому Величеству:

что по конституціи Финляндіи законы, долженствующіе служить къ руководству финскому народу, могутъ быть издаваемы только въ установленномъ основными законами края порядкѣ, по которому предполагается не только, что Монархъ при этомъ пользуется содѣйствіемъ финляндскихъ учрежденій, но что законы, по предметамъ, не относящимся къ такъ называемымъ административнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ, издаются съ вѣдома и согласія Земскихъ Чиновъ;

---

[1]) Въ задачу настоящаго обзора не входитъ подробнѣе изложить происходившія совѣщанія и содержаніе весьма, впрочемъ, поучительнаго заключенія подлежащей сеймовой комиссіи; см. отвѣтъ земскихъ чиновъ, стр. 1—109.

что, между тѣмъ, опредѣленный приложенными къ Высочайшему Манифесту Основными Положеніями порядокъ изданія законовъ, имѣющихъ воспріять дѣйствіе также и въ Финляндіи, противорѣчитъ финляндскимъ основнымъ законамъ и конституціи, которою на основаніи оныхъ пользуется Финляндія;

что Манифестъ и принадлежащія къ нему Основныя Положенія, какъ изданныя безъ согласія Земскихъ Чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи;

что въ частности законъ о воинской повинности обывателей Финляндіи, слѣдовательно, не можетъ, безъ нарушенія конституціи края, быть изданъ въ видѣ общегосударственнаго закона или вообще утвержденъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ иначе, какъ по принятіи его Земскими Чинами;

что нынѣ дѣйствующій Уставъ о воинской повинности, какъ изданный въ установленномъ финляндскою конституціею порядкѣ, не можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ иначе, какъ по согласному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Земскихъ Чиновъ; и

что въ случаѣ, если бы Ваше Императорское Величество признали необходимымъ особый порядокъ для изданія законовъ, общихъ для Имперіи и Финляндіи, Земскіе Чины ожидаютъ, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ передать Земскимъ Чинамъ, для установленнаго основными законами разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе съ проектомъ необходимыхъ для указанной цѣли измѣненій основныхъ законовъ Финляндіи;

и, наконецъ, Земскіе Чины доносятъ:

что Земскіе Чины считаютъ своимъ долгомъ, основаннымъ на вѣчномъ міровомъ порядкѣ, придерживаться законовъ и права, сохраненіе коихъ въ ненарушимости въ 1809 году было торжественно удостовѣрено финскому народу".

Эти слова не оставляли мѣста никакимъ сомнѣніямъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія занятій сеймъ былъ закрытъ, 30:го мая, слѣдующею краткою высочайшею рѣчью:

„Представители финскаго народа.

Съ окончаніемъ нынѣ вашихъ занятій объявляемъ чрезвычайный сеймъ закрытымъ. Поручая васъ покровительству Всевышняго, пребываемъ ко всему финскому народу Императорскою милостію Нашею благосклонны."

До этого, однако, какъ ландмаршалъ такъ и представители трехъ прочихъ сословій, вновь твердо и мужественно указали въ своихъ рѣчахъ на незаконность манифеста, отстаивая притомъ неотъемлемое право Финляндіи на самоуправленіе.

22:го іюня того же года генералъ-губернаторъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ императоръ, между прочимъ, поручилъ ему объявить во всеобщее свѣдѣніе, что выраженныя представителями сословій сужденія неправильны и не соотвѣтствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составная часть государства россійскаго, съ нимъ нераздѣльная (чего никто и не оспаривалъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернатору былъ вмѣненъ въ обязанность настойчивый образъ дѣйствія „къ утвержденію въ умахъ населенія

края истиннаго значенія мѣръ, предпринимаемыхъ для укрѣпленія связи имперіи и великаго княжества".

Хотя послѣ этого, какъ и можно было ожидать, была еще болѣе усилена строгость паспортныхъ правилъ, какъ для отъѣзжающихъ, такъ и для пріѣзжающихъ, и усугублена цензура надъ печатью, съ прекращеніемъ газетъ и частымъ запрещеніемъ газетныхъ статей, и хотя образъ правленія генералъ-губернатора все болѣе принималъ характеръ произвола и придирчивости, но тѣмъ не менѣе осенній призывъ новобранцевъ былъ произведенъ согласно старому уставу 1878 года и земскіе чины были созваны на очередный сеймъ, 19:го января 1900 года.

Въ тронной рѣчи императора и великаго князя, прочтенной генералъ-губернаторомъ, послѣ указанія на предложенія, подлежащія разсмотрѣнію сейма, было сказано слѣдующее: „Всякія сужденія, уклоняющіяся отъ нихъ къ предметамъ общаго государственнаго значенія, не должны быть допускаемы. Подобныя сужденія на послѣднемъ чрезвычайномъ сеймѣ внесли въ умы населенія тягостныя и напрасныя опасенія. *Повтореніе ихъ поселлтъ сомнѣніе относительно соотвѣтствія сеймоваго законодательства современнымъ обстоятельствамъ*".

Отвѣтныя рѣчи тальмановъ достаточно характеризуютъ серьезное положеніе дѣла.

Ландмаршалъ указалъ, что финскій народъ считаетъ самоуправленіе жизненнымъ условіемъ своего существованія; онъ никогда *не совершилъ ничего такого, что могъ бы утратить право на то* и сохраняетъ надежду, что мрачныя тучи скоро разсѣятся.

Архіепископъ высказалъ, между прочимъ, что Господь воздастъ каждому народу по дѣламъ его, о чемъ

въ наше время свидѣтельствуетъ судьба многихъ народовъ.. Съ нетерпѣніемъ ожидаемое время мира не можетъ наступить *раньше чѣмъ восторжествуетъ правда.*

Тальманъ сословія горожанъ подтверждалъ, *что святость закона твердо вкоренилась въ сознаніе финскаго народа,* и что передъ закономъ всѣ должны преклоняться, какъ самые высокопоставленные, такъ и самый послѣдній гражданинъ. . . . . Справедливость и взаимное уваженіе сближаютъ народы другъ съ другомъ, тогда какъ противозаконныя мѣропріятія только разъединяютъ ихъ и тормозятъ общее развитіе.

Тальманъ сословія крестьянъ, наконецъ, упомянулъ о постигшемъ край неурожаѣ и о случившихся весенникъ наводненіяхъ, но народъ уже привыкъ къ бѣдствіямъ этого рода и закалился въ борьбѣ противъ нихъ. *Усиленіе выселенія изъ края,* онъ приписивалъ дѣйствію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Сословіе крестьянъ согласилось на увеличеніе военнаго бремени только въ томъ предположеніи, что свободный общественный строй будетъ сохраненъ; осуществленіе этого предположенія является необходимымъ условіемъ для того, чтобы финскій народъ могъ нести сопряженную съ новыми жертвами тягость. Въ заключеніе онъ высказалъ сожалѣніе по поводу того, что дѣла Финляндіи подготовляются ко внесенію на сеймъ лицомъ нефинляндскаго происхожденія.

Въ такомъ положеніи слѣдовательно дѣло находится въ данную минуту. Что русскія притязанія не встрѣтятъ насильственнаго отпора или вооруженнаго сопротивленія, по крайней мѣрѣ пока не примутъ слишкомъ вызывающихъ размѣровъ, въ томъ служитъ гарантіею свойственное характеру финскаго народа непреклонное

и пассивное законопослушаніе, которое Александръ I и его преемники на престолѣ нерѣдко съ похвалою упоминали, какъ на словахъ, такъ и письменно. Но и съ другой стороны, образъ дѣйствія земскихъ чиновъ и заявленія ихъ тальмановъ на сеймахъ служатъ ручательствомъ въ томъ, что финскій народъ, когда царь серьезно обратится къ нему съ вопросомъ, не отвѣтитъ ему по формулѣ: „царь далъ, царь взялъ, да благословенно будетъ имя его“, ибо, вѣрные своему императору и великому князю, финляндцы не менѣе вѣрны законамъ и конституціи, которые, по мнѣнію ихъ, столь же обязательны и священны для монарха, какъ для послѣдняго изъ его подданныхъ.

Поступило въ продажу:

СЕМЬ
СУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ

(на русскомъ языкѣ)

Владиміра Спасовича.

Изящно изданный томъ 280 страницъ.

Цѣна 5 марокъ.

Содержаніе:

I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Владиміръ Спасовичъ считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ защитниковъ въ Россіи. Его многочисленныя судебныя рѣчи, всегда отличавшіяся богатствомъ мыслей, краткимъ и яснымъ способомъ выраженія и діалектическою тонкостью, появились въ Россіи въ 10-томномъ изданіи.

Печатаніе же настоящихъ 7 судебныхъ рѣчей, въ которыхъ затрогиваются очень трудные и серьезные вопросы, вслѣдствіе ихъ уголовно-политическаго содержанія, русской цензурой было — запрещено. Лица, въ защиту коихъ В. Спасовичъ произнесъ эти рѣчи въ судебныхъ засѣданіяхъ при закрытыхъ дверяхъ, принадлежатъ къ образованнѣйшему классу русскаго общества.

Въ книжномъ складѣ **ШТУРА** въ *Берлинѣ*, **61 Унтеръ денъ Линденъ** продаются:

	Маркъ
Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . .	—.80
Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ.	
Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ**	1.—
Докладъ Ванновскаго по поводу студенческихъ безпорядковъ 1899 г.	1.50
Бебель, А., Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени	3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго автора обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій значеніе для нормальнаго развитія соціальнаго положенія общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ непродолжительномъ времени выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 25 изданій.

Бильбассовъ, В. А., Исторія Екатерины второй.

Томъ I	10.—
— „ — Томъ II	15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, почему и первое изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ крайне интересенъ для всякаго желающаго основательно ознакомиться съ современной исторіей. Изложеніе труда прямо прекрасно и такъ занимательно, что всякій прочтетъ названную работу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Биль-

бассова составляетъ „событіе“ въ русской исторической литературѣ.

Флеровскій, Н. Н., Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя *Аѳанасьевымъ* 10.—

Толстой, Л. Н., Война и разумъ . . . . . —.60

— „ — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ 5.—

Въ настоящее изданіе вошло **все,** что русской цензурой *не пропущено.*

Кромѣ этихъ книгъ въ книжномъ складѣ ШТУРА имѣются всѣ русскія книги, напечатанныя внѣ Россіи.

Всѣ порученія исполняются скоро и аккуратно.

Книжный магазинъ ШТУРА

въ Берлинѣ

принимаетъ книги отъ издателей на коммиссію, печатаетъ всякія сочиненія на русскомъ и другихъ языкахъ, принимая на себя отвѣтственность за правильность изданія, и предлагаетъ свои услуги Г. Г. Авторамъ, Издателямъ и Книгопродавцамъ, которые пожелаютъ издавать свои книги за границею.